

ЗОЛОТОЙ ТАЛИСМАН

СМЕ ЖНЕЦА

ГАЙ ЮЛИЙ ОРЛОВСКИЙ
МАРГО ГЕНЕР

16+

Золотой Талисман

Гай Юлий Орловский

Слуга Жнеца

«Автор»

2018

Орловский Г.

Слуга Жнеца / Г. Орловский — «Автор», 2018 — (Золотой
Талисман)

ISBN 978-5-532-98856-9

Цитадель построена и стала прибежищем для любого, кто постучит в ее двери. Кажется, долгожданный мир достигнут. Только есть проблема - слишком много народов прибыло в крепость. Как заставить их жить в мире, если сами Хранители не знают, как договориться, а не известная прежде сила смешивает все планы?

ISBN 978-5-532-98856-9

© Орловский Г., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Марго Генер, Гай Юлий Орловский

Слуга Жнеца

Ворг. Успеть до полуночи
Потерянная
Со смертью наперегонки
Мелкинд Виллейн
Цитадель
Сестра ветра
Цитадель в Огне
Слуга Жнеца
Ответный удар
Стальные перья

Глава 1

Вверху загрохотало, ворг раздраженно прижал уши и поднял взгляд. Над куполом Цитадели пронеслась крылатая фигура с когтистыми лапами и скрылась в расщелине скалы.

Полузверь недовольно зарычал.

– Мелисс...

Над резиденциями время от времени кружат горгульи, гарпии и горгоны, даже птеринги, вынуждая жителей опасливо коситься в небо.

После того, как весть о Цитадели разлетелась по миру, сюда потянулись все, кому не лень. Вокруг основного круга резиденций образовалось еще один, где поселились сперва ремесленники и купцы. А когда из-за близости к Хранителям эта территория стала престижной, за ними появился круг с торговцами, работягами и простыми фермерами, которых становится все больше.

Ворг досадно вздохнул, оперевшись локтем на столбик возле одного из входов в Зал Советов.

– Набежали, – прорычал он и мотнул головой.

Вторая Цитадель получилась не такой разноцветной, но зато продуманной и правильной, чтобы у каждого Хранителя была своя дверь, и они не толкались, торопясь на советы.

Лотер шумно поскреб подбородок, клыки от удовольствия вытянулись.

– Набежали... – повторил он.

Потом окинул хозяйским взором резиденции, на какие хватило глаз, и задумчиво сдвинул брови. За его леском, который делал лишь для себя и принцессы, образовался стан воров. Полузверей мало, едва пара десятков наберется, но рычаг и перекидываются на глазах у жителей, а те боятся ходить по ночам.

В стане идет неспешная работа – одни роют землянки, другие таскают бревна и укладывают на дно ям. Вдалеке за участком Тарната тоже трудятся, слышен стук молотков, ругань и гогот.

Какой-то гном орет:

– Держи! Держи, говорю! Я тебе не тролль, чтоб в одиночку такие бревна тягать!

– Ты ж сам бахвалился, – смеется другой.

– То я в пещерах бахвалился! А тут поверхность, сил вполовину меньше!

– Ну да! Только бочонки опустошать сила не убавляется.

Гномы зычно захохотали и потащили бревно куда-то к окраине, где успели сколотить небольшую, но шумную таверну с дубовыми столами и пышными гномками-разносчицами.

Ворг нахмурился сильнее и отвернулся. Ближе всего к нему башня Теонарда и замок Страга. Первый так и оставил резиденцию умеренно аскетичной – только каменные ступеньки и дверь. Все как надо, суровая, северная башня. Второй тоже особо не изгалялся, но вмешались женщины, намечтали вокруг столько роз, что в воровском леске по вечерам пахнет чем-то сладковатым. Оттуда доносится чириканье, птицы готовятся ко сну и спешат скорее всем об этом рассказать.

Где-то на границе неба и леса серым маревом застыла гора. Исполинские размеры превратили ее в призрака, который вроде есть, но лишь на границе видимости, а вершина вообще теряется там, куда не ступала ничья нога.

Люди, гномы, эльфы и остальные ползают по территориям, как муравьи возле гнезда. Такие же деловые и усердные. Если лишит поддержки собратьев, эти тоже растеряются и станут бегать в поисках нового ориентира.

Смачно зевнув вовсю пасть, Лотер поскреб грудь и перевел взгляд вправо. Там высится огромных размеров дерево. По утрам ветки бросают тень на башню Теонарда, и тот пару раз жаловался, что мерзнет.

Мимо пронеслась амазонка на поджаром коне, помахала воргу, мол, работаю, не бездельничая, охраняю.

– Теонард запретил верхом во внутреннем круге! – рыкнул Лотер.

Амазонка сделала такие глаза, будто впервые услышала, ответила быстро:

– Я не во внутреннем. Я так, с краешку, чтоб на всякий случай. Мало ли.

– Ладно-ладно, – бросил Лотер, махая, чтобы скакала отсюда. – Я ему не скажу. А ты будешь должна.

Амазонка счастливо улыбнулась, готовая хоть прямо сейчас отдавать долг, но полужверь уже отвернулся. Воительница с печальным вздохом прищпорила коня и помчалась к внешнему кругу, пока не заметил Глава Совета.

Левее каменной насыпи Грагрха и болота Булука, высится башня мелкинда, белоснежная, как речной жемчуг. Виллейн покидает ее редко, и всегда с недовольным видом, мол, я важными делами занят, а вы дергаете по пустякам. Дальше полупрозрачный купол ихтионки, откуда иногда слышен залиvistый смех, плеск и бульканье. Резиденция на суше, но к морю ведет длинный тоннель, в который, по заверению Селины, ни одна опасная рыба не проберется.

На другой стороне участка тахаша, птеринга, крылатых женщин и остальных. Зато на втором круге какие-то подвесные конструкции, бараки, конюшни и куча других сооружений, которые у разных народов именуются домами.

Ворг вытер лоб тыльной стороной ладони и снова пробормотал:

– Откуда вы только.

Он глянул в сторону жилища Тарната, за которым протоптана дорожка к свежестроенной таверне, и потянул носом.

Глаза блаженно закрылись. Облизнувшись, ворг выпрямился и пару секунд стоял так, будто обоняние уже нарисовала красочные картины и ворг весь там, в этих грезях.

Простояв с довольной мордой целую минуту, развернулся и уверенной походкой направился мимо башни Теонарда к шумной, но очень уж соблазнительной таверне.

Когда проходил возле Дерева Каонэль, подул ветерок, легкий, как дыхание эльфа. За спиной зашуршало, раздался мелодичный голос:

– Лотер!

Ворг прижал уши и скривился, по лицу скользнула тень, на несколько секунд глаза покраснели. Пришлось помотать головой и сделать несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

– Чего тебе? – проворчал полужверь и нехотя обернулся.

Под широкой веткой застыла эльфийка. Глаза, как маленькие солнца, декольте перетянуто корсетом. Настолько туго, что две полусферы стремятся наружу. Сапоги почти до бедер, а те скрыты плотными штанами. На плечах лацерна, которую ворг сам однажды подарил с барского плеча. Серебряные локоны струятся до самого пояса.

Полужверь шумно сглотнул, и многозначительно прищурился.

– Бесшумная ты наша, – проговорил он. – Хоть бы покашляла. Так и удар хватить может.

– Ты и так чуял, – деловито сообщила серая.

– Тебя почувешь, – проговорил он. – Наверное, моешься по десять раз на день. Разве что аромат благовоний уловить. Ты ж натираешься благовониями?

Каонэль оскорбленно вскинула подбородок.

– Благовония для грязных и не мытых. То есть для тебя. А настоящая чистота должна быть естественной и без запаха.

– А ты чего в дорожном? Собралась куда? Это надо с Теонардом решать, а то уйдешь, а нам Талисман понадобится. Или просто так нарядилась? Вообще-то да, эта одежда тебе больше к лицу. Платье оно тоже хорошо, но как-то вроде и нет.

Она бросила на него обжигающий взгляд и дернула ушами. Ворг уже неделю ходит с оскаленными клыками, пугая вновь прибывающий народ, но убирать не спешит, будто хвастается принадлежностью к звериному роду.

Каонэль еще секунду гневно сверлила взглядом могучую фигуру в одних портках, затем сказала резко:

– Я по делам отлучалась. А тебя Теонард ищет. За тобой и послал.

– И ты пошла?

Эльфийка скривила маленький носик.

– Мне было по пути.

Ворг покосился на стан гномов вдалеке и маленькую крышу таверны. Прямо за ней такой притягательный и уютный домик с багровым фонарем.

– А он не сказал, чего надо? – спросил Лотер. – А то я такой голодный, такой голодный.

Глаза Каонэль сузились, но светиться стали сильнее.

– Голодный? – поинтересовалась она. – То-то смотрю глазеешь на таверну. С каких пор ешь в тавернах? Прямо как настоящий гном.

– Чего сразу обзывать? – буркнул ворг. – Да просто гномы знают толк в еде. Это не то, что человечья. С гномьей у меня порядок. И не есть, а благородно думствовать и отдыхать.

Губы эльфийки растянулись в улыбке, она бросила быстрый взгляд в сторону таверны и небольшого домика рядом, проговорила с усмешкой:

– Знаю я, куда думствовать пойдешь. Но держи свою звериную натуру в узде. Лучше, поспеши к Теонарду, его главнейшество не должно столько ждать.

Ворг потемнел лицом, глаза сузились, а клыки удлинились еще на пол пальца.

– Теонард у нас, конечно, Глава. Но я свободный ворг. И вообще, ты много разговариваешь, остроухая, лучше молчи. Вон, Тарнат говорит, что женщины должны быть покорными и кроткими.

– Ну конечно.

– А ты резкая, хоть и красивая, – продолжил полужверь. – Так не только рыжие эльфы, любые убегут.

Взгляд Каонэль в миг стал холодным, подбородок поднялся. Губы вытянулись в полоску, словно в ногу воткнули нож, но положено терпеть и держать лицо.

– Много ты в эльфах понимаешь, – проговорила она выпрямляясь и откидывая серебряный локон с груди.

– Чего тут понимать? Все и так знают, вы высокомерные. Ну ты, может и не сильно, но видал я солнечного... Задушу с удовольствием.

Идеальное лицо Каонэль потемнело, словно тучка набежала.

– Только попробуй, – проговорила она. – Они хоть и невыносимые, но все же моя родня.

– Что не радует.

– А я и не пытаюсь тебя обрадовать. Делать мне больше нечего. И так дел на целую жизнь.

– Или две, – добавил ворг.

Он снова покосился на крышу таверны, где наверняка и стулья широкие, и разносчицы не только гномихи, и вообще, можно сесть в самый дальний угол и прикинуться бревном, потому что известно – легче всего уединиться в толпе.

На другой стороне за Залом Советов кто-то возмущенно вопит, слышен голос мелкинда. Народ ходит мимо, занятый своими делами, лишь чуткие уши ворга с эльфийкой улавливают ругань и вопли в башне.

– Что там за крики? – спросила Каонэль.

Ворг проговорил задумчиво:

– Не может разобраться с механизмами портала.

– Портал в Цитадели? – удивилась эльфийка.

– Угу. Мелкинд выпросил, – начал пояснять Лотер. – Поставили для перемещения в особо важных ситуациях. Теонард долго думал, но согласился. Тем более, портал в башне Виллейна, это он у нас маг. Ему и отдуваться.

Каонэль вскинула брови.

– И никто не возмутился? Мне ведь даже не сказали.

Ворг покачал головой.

– Некогда возмущаться, – сказал он. – Все заняты своими делами, и плевать на всякие порталы. Только он работает через раз. Виллейн говорит, надо порошок особый всыпать, чтоб стабильным стал, какие-то слова говорить. Я не запоминал. Негоже вору в магические дела соваться.

– Почему?

– Как почему? – удивился Лотер. – Я честный ворг. А обороты наши – дело врожденное, что значит, природное. Никакой магии. Разве что мертвячьи кости надо хрумкать. Но сам не знаю, как действуют.

Каонэль повела плечами, будто представляет, как ворг раскусывает кости, потом спросила:

– Как же это выходит? Превращаешься, а как – не знаешь?

Полузверь посмотрел на нее, словно эльфийка интересуется, как читается заклинание, или сколько ждать, чтоб у гнома выросли крылья.

– А зачем мне это? – прорычал он. – Главное работает. Ты лучше у мелкинда спроси. Он маг, превращает всякое. Наверное, про воровские перекиды тоже.

– Да с ним говорить... Легче лягушку съесть.

– Съешь. Слышал, для кожи полезно.

Солнце коснулось верхушек деревьев, на востоке появилась темная полоска туч, предвещающая грозу. Народ зашевелился, послышались крики и резкие команды, кто-то недовольно бурчал – повсюду работа, а гроза означает перерыв. В грязи возиться, кроме болотных троллей, мало кому нравится.

Лотер пригладил лохматую макушку и развернулся к гномьей таверне, всем видом показывая, что разговор окончен. Стал наклонять голову то так, то эдак, словно прикидывает, как лучше перемещаться – шагами или воровскими прыжками.

Едва занес ногу, как эльфийка снова проговорила:

– Так к что с Теонардом? Просил передать, что ждет. Если вернусь и сообщу, что твое звериное величество не соизволило посетить его скромную башню, обидится. Точно обидится. А высказывать будет мне.

– Что, прям срочно?

– Если меня послал, значит, срочно. Я ведь быстрее всех бегаю.

Ворг вздохнул, глядя на таверну, над которой небо уже потемнело. С запада ползут сумерки и дождь. Самое время сидеть в теплом месте среди грохота кружек, молчаливо думствуя.

– Иду, – сказал он нехотя.

Эльфийка ослепительно улыбнулась, довольная, что удалось наставить своенравного полузверя на путь истинный.

Потом небрежно откинула волосы за спину, одарила ворга то ли надменным, то ли покровительственным взглядом, и стройная фигурка исчезла в огромном дупле эльфийского Дерева. Послышался шорох, он быстро пронесся по стволу вверх и затерялся где-то в кроне.

Как только все стихло, Лотер облегченно выдохнул. Он снова посмотрел назад на гномью таверну, где полным ходом идет веселье, можно съесть жирного гуся, и в нагрузку прихватить пирогов с малиной.

Когда из двери показался дородный рубака с секирой на плече, ворг сокрушенно покачал головой и направился к башне Теонарда.

Едва отошел от Дерева, за спиной раздался гнусавый голос:

– Лотер!

Ворг скрипнул зубами и вжал голову в плечи, словно так может стать незаметным, но по топоту гоблинских ног понял, коротышка уходит не намерен.

Пару мгновений полужверь претворялся молчаливым буйволом, но когда гоблин забежал спереди и посмотрел в глаза снизу-вверх – не выдержал и отвернулся.

Зеленомордый ничуть не обиделся, лишь оббежал с другой стороны и деловито поправил кинжалы на поясе.

Ворг глянул на него самым строгим взглядом. Губы коротышки растянулись в такой широкой улыбке, что сразу видно врун и проныра.

– Гнур, меня Теонард ждет, – предупредил Лотер серьезно.

Гоблин встрепенулся.

– Замечательно! Это даже лучше, – сообщил он бодро и метнулся вперед него по кольцевой дороге. – Я с тобой пройду.

Тяжело вздохнув, ворг поплелся следом.

– Я счастлив, – пробормотал он.

Пока шли, гоблин без умолку трещал про южных собратьев, про очаровательных гоблинок, про точность метания коротких кинжалов и о чем-то еще. Ворг только мотал головой и скалился.

Когда до башни Теонарда осталось несколько воровских прыжков, морда Лотера скорбно вытянулась, зато гоблин разошелся и в подробностях вещает о способах засола продуктов в тыквах.

Наконец, закончив страстную речь лекцией о преимуществе северных гоблинов перед южными, Гнур сказал:

– Я зачем вообще подошел.

– Действительно, зачем? – поинтересовался Лотер, глядя на зеленомордого сверху вниз.

Тот помялся немного и проговорил:

– По поводу моего участка. Ты же помнишь, что гоблинов много? Значит, что?

– Что?

– Что нам нужно как-то увеличить территорию, – стал пояснять Гнур. – У меня столько родни набежало, не знал, что она вообще есть. Даже не уверен, что вообще родня, но гоблины, как-никак, один народ. Даже те, что в болотах, да хранит их, бедолаг, священный крашар.

Лотер ускорился, стараясь не смотреть на зеленомордого, но тот чудесным образом оказывается впереди и щурит левый глаз со шрамом.

– От меня-то ты что хочешь? – спросил ворг.

– Как что? – удивился Гнур. – Скажи Теонарду, что гоблинам надо помочь. У меня и так целая деревня образовалась вокруг места, где должна стоять резиденция. Которой, кстати, все еще нет. У тахаша вон, вообще родни не имеется. Можно у него позаимствовать землю. Или у банши.

– Если поселить гоблинов на земле банши, то гоблины вымрут. Она ж женщина. Поди, ночью наткнется на зеленомордого, закричит. Знаешь, что бывает, когда кричит банши?

Гнур насупился.

– Знаю, знаю.

– И на земле тахаша тоже никого селить не будем, – продолжил Лотер, приближаясь к ступенькам башни Теонарда. – Все селятся по кругу. Чем гоблины лучше? Да-да, вы самый древний, мудрый и... зеленый народ. Только участки розданы и переделу не подлежат. Пускай твои гоблины селятся дальше от Цитадели, но чтоб не мешали другим.

Гоблин хотел сказать что-то, но Лотер решительно развернулся и в один ворговский прыжок запрыгнул на крыльцо. Гнур только охнул и схватился за рукоять кинжала.

Выпрямившись, полузверь демонстративно повернулся к нему спиной и постучал в дверь. Позади раздалось недовольное ворчание, через пару секунд послышались удаляющиеся шаги и тихая, но четкая ругань, на тему того, какие все несправедливые и глупые.

Выждав еще пару мгновений, Лотер толкнул створку, та со скрипом отворилась, и полузверь вошел в коридор. Всюду полумрак, но слева пляшут отблески костра.

Ворг быстро прошел вперед и заглянул в зал – небольшую комнату со столом и тахтой.

У дальней стены Теонард кормит голубей и бормочет что-то ласковое. На противоположной стороне прямо на полу костер, над ним котелок с водой. Та кипит, но человек на столько увлечен птицами, что видимо, забыл, и капли время от времени с шипением падают на поленья.

– Теонард, – рыкнул ворг так, что арбалетчик подпрыгнул. – Мне наша прекрасная эльфийка донесла, что ты с ног сбился, разыскивая меня. Рассказывай, что стряслось, а то меня в таверне ждут. Есть хочу, аж зубы сводит.

Глава Совета быстро закрыл клетку и отряхнул ладони.

– Потихе, – казал он. – Чего орешь, как на собрании? Голубей мне перепугаешь.

– Что, нестись не будут? – поинтересовался Лотер. – Ты если что, к нашему птерингу сходи, он тебе расскажет, как птиц содержать.

Лицо Теонарда за время работы Главой Совета осунулось, под глазами темные круги, будто не спит ночами, а все думает, как улучшить, да исправить. Волосы стали похожи на колтуны ворга, который неделю провел в дороге.

Он с силой потер ладонями щеки, и проговорил:

– Про голубей потом. Ты их главное не пугай, а то ходишь с клыками который день. Кого угодно зайкой оставишь. Разве для них не надо костей каких пожевать или что ты обычно делаешь?

– Мертвячи кости нужны для оборотов, – пояснил ворг. – А клыки, это так, баловство.

– Что, и харя звериная баловство?

– Ну, харя уже не совсем баловство, – согласился Лотер. – Она или от голода, или от злости появляется. Озвер то есть. Долго зубы заговаривать будешь? Чего позвал?

Глава помялся и проговорил:

– Тут вот какое дело. Не хотел эльфийке сразу говорить, думал сначала тебе.

– Да не томи уже.

Теонард резко выдохнул.

– Амазонка Брестиды свиток принесла. Предупредительное письмо на белоснежной бумаге, с серебряной печатью. Даже читать не хотел, чтоб не дергаться...

– Ну?

– К нам шлют посла солнечных эльфов, – наконец выдохнул Теонард.

Ворг застыл с открытым ртом, через секунду на шее вылезла черная, как уголь, клыки вытянулись на ладонь, а по залу прокатился взбешенный рык:

– Какого лешего их несет!?! Теонард, ты, как Глава Совета, давай, скажи свое главское слово. Каонэль, она наша, тут претензий нет. Даже лесные, пес с ними. Можно приютить, чтоб подметали или посуду гномам чистили. Но солнечные? Эти важноухие? Ты хоть раз с ними разговаривал? Они одним молчанием тебя в грязь втопчут!

Он принялся ходить по комнате взад-вперед, гаркая и рыча, как потревоженный во время спячки медведь. Теонард наблюдал с осторожностью, потому, что злой и голодный ворг не

самая хорошая компания. Когда проходил слишком близко, приходилось хвататься за рукоять меча, но ворг или не замечал, или делал вид, что не замечает, продолжая ругаться и рычать.

– Нет, ты подумай! – негодовал полужверь. – Это сколько наглости надо иметь, чтоб вот так, без приглашения. И так народу – не протолкнуться. Так еще эти понабегут.

Лишь спустя несколько минут, гнев Лотера пошел на спад. Тяжело дыша, как после долгой битвы, он остановился середине зала, и опустился прямо на каменный пол.

Теонард, чтобы не казаться выше, сел на подушку у стены, хотя мог бы воссесть хотя бы на стул, потому как он Глава Совета и сидеть выше, вроде как, полагается.

– Я тоже взбесился, – согласился Теонард.

Лотер зарычал.

– Да как тут не взбесишься. Как же, сейчас приедут, начнут свои белые морды всюду совать. Но я не забыл, как ты рвался всех солнечных порешить. Помни, я буду решить их вместе с тобой.

Лицо Теонарда стало таким скорбным, будто на него опустили все тяготы мира, а он совсем не готовился к такому и теперь мучается, принимая каждое решение.

– Понимаешь Лотер, – начал Теонард издали. – Я просто не знаю, с чего начать. Так-то всей душой хочу их с лица земли стереть. Но в Цитадель народ пребывает. Надо следить, чтоб строились правильно, не залезали на чужие территории. Вон, вчера Гнур приходил. Требовал, чтоб я ему кусок тахашевой земли отдал.

– Ишь какой, – проворчал Лотер. – Видать, ко всем ходит. Подговаривает, зеленомордый. Теонард изумился.

– И к тебе ходил?

– Не удивлюсь, если уже всех оббежал, – фыркнул ворг. – Так что там с белоухими?

Теонард поморщился и вздохнул с такой тяжестью, что по залу разлетелось эхо.

– Да не знаю, – сказал он. – Поубивал бы и дело с концом. Но они не фермеры, которые острой вил ничего в руках не держали. Это мастера боя, высокородные эльфы. К тому же...

Ворг испытующе посмотрел на Главу Совета, глаза лоб нахмурился.

– Договаривай.

– Не уверен, – осторожно проговорил Теонард, – что биться с солнечными – хорошая идея. Они слишком серьезный противник и... Только не бей. Их лучше держать в союзниках.

– Да ни в жизни не поверю! – выдохнул Лотер. – Ты ж сам кричал, что всех солнечных под корень, чтоб даже имени в веках не осталось.

– Кричал, – согласился Теонард. – Но тогда я... В общем... Думаешь, мне не хочется им уши поотрубать? Да только как ты будешь сражаться с бойцами, которые смеются над болью, а умирать пойдут с бесстрастными лицами. Да и попробуй попади по этой заразе. Я с ними сражался. Знаю.

Полужверь снова зарычал, глухо и зло, словно загнанный в угол зверь, шерсть на морде удлинилась.

– От кочевников же отбились, – прохрипел он.

Глава прошелся по залу и остановился у очага. Поленья наполовину прогорели, в зале стало темней, зато глаза ворга горят недобро.

– Тогда мы одни были, – произнес Теонард тяжело. – И смогли укрыться на моей башне. А теперь народу прибыло, и за всех мы отвечаем. Сам подумай, если что не так, эльфы кого первыми порежут? Ага, понял? То-то и оно. Вот и говорю, не знаю, как правильно. Днем и ночью думаю, а никак.

Лотер оглядел его с ног до головы и обратно.

– Вижу, – бросил он. – На тебе лица нет, скоро на стройного птеринга будешь похож. Хочешь, лично буду каждый вечер оленя приносить? Ты только не помирай от работы. А то кто будет главствовать?

Теонард хмыкнул и внимательно посмотрел на ворга.

– Тогда ты будешь, – сказал он.

Лотер поднял на него красные, как вечернее зарево, глаза, челюсть лязгнула, будто собирается прямо тут нападать. Он шумно поскреб мохнатую грудь и проговорил обижено:

– Что я тебе плохого сделал? Ему оленей предлагаю, а он на меня вся заботы и тяготы свалить вздумал.

Теонард вздохнул.

– Понимаю. И когда Главу выбирали понимал. Ну, может не совсем, но догадывался. Потому и предложил тебя, а ты, выходит, еще раньше догадался.

– Если много власти, – проговорил Лотер, глядя на арбалетчика слишком мудрым для ворга взглядом, – то ответственности в два, а то и три раза больше. А мы, ворг, народ вольный.

Плечи Теонард поникли, он сразу как-то осунулся, будто не неделю, а сотню лет несет тяжкое бремя.

Птицы у стены встрепенулись и заурчали, одна даже попыталась взлететь, но стукнулась о решетку и бухнулась на пол. Тут же вспорхнула на жердь, словно ничего не было, и присо-единилась к голубиному хору.

Ворг пошевелил ушами, повернувшись одной стороной к выходу. Пару секунд так сидел, потом сказал:

– Ты давай, воспрянь. Глава ты или где? Никто не должен знать, как тебе непросто. Иди, умойся, а лучше – помойся. А то вид, как у меня после недели беготни по болотам. А я к Страгу сбегая.

Теонард вытер лицо и уставился на ладонь, надеясь разглядеть грязь и пыль.

– Что, – произнес он. – Совсем плох?

Лотер глянул на него, покривился.

– Да не совсем, но помыться надо. Это даже я, ворг, тебе говорю. Иди-иди, а потом выходи встречать дорогих гостей.

Глава 2

Закатное небо расплескало оранжевые краски, солнце медленно погружается в тучи, что значит – завтра будет ветрено. Зато сейчас природа спешит показать все оттенки багрового, красного и оранжевого, словно это последний в мире закат.

Со своего прекрасного Дерева, Каонэль видела, как ворг скрылся в башне Теонарда, как, спустя некоторое время вышел из нее и помчался к замку Страга, будто за ним гонится орда мертвяков.

Идеальные брови сдвинулись. Накинув капюшон, эльфийка отошла от резного окна, которое скорее дупло, украшенное плющом и светлячками. Когда загадывала резиденцию, все детали были продуманы с эолумской точностью. Несмотря на отсутствие видимых связей с солнечными, Каонэль умудрилась построить идеальное жилище для любого эльфа.

Покои получились сказочными – ветвистые колонны, плетеные арки, мерцающие матовым светом в полумраке. В середине широкое ложе с простынями из паучьего шелка, а над ним стайка крошечных светлячков с синими брюшками.

Каонэль вышла из комнаты в темноту коридора и двинулась по извилистым анфиладам вверх.

Стены с потолком заплел плющ и корни, между ними скопились голубые и желтые огоньки. Время от времени они переползают целыми группами, и анфилады переливаются таинственным светом.

Поднявшись на верхний ярус, серая сделала еще несколько поворотов и остановилась у резной двери с изображением распустившейся лилии.

Она постучала.

– Эвриала? Ты здесь?

За дверью послышался шорох, что-то глухо стукнуло и покатилося по полу. Спустя несколько секунд возни, раздался мягкий, словно пуховая подушка, голос.

– Да, заходи.

Каонэль толкнула дверь, та бесшумно отворилась и брови эльфийки медленно всползли на лоб.

Все комната, которую серая так старательно украшала в мечтах, а потом воплощала с помощью Талисмана, заставлена котелками, мисками, плошками разного размера и высоты.

В середине, склонившись над пузырящейся похлебкой, стоит горгона.

Крылья аккуратно сложены за спиной и почти незаметны, передник забрызган зеленым, из прически выбились черные пряди и падают на глаза. Эвриала помешивает длинной ложкой, лицо скорбное, будто на поминках.

Она подняла взгляд на эльфийку и сообщила:

– Все утро пытаюсь найти идеальное сочетание. Уже по крупинке взвешиваю, а все равно, то пересолю, то переперчу.

Каонэль еще раз оглядела комнату, которая превратилась в кухню, и ответила:

– Говорят, если много соли кладешь, значит, влюбилась.

– В кого? – изумилась горгона, округлив глаза.

Эльфийка пожала плечами, проговорила:

– Не знаю. Наверное, в Теонарда. В него положено влюбляться, он ведь Глава. Но я бы посоветовала ворга, он хоть и не главный Хранитель, зато сильный и смелый. Или, на крайний случай, Страга. Хотя тебе, наверное, ближе птеринг?

Горгона быстро проговорила:

– Теонард тоже сильный.

И тут же спохватилась, белоснежные щеки запунцовели, как вечернее солнце в тучах. Эльфийка хмыкнула, но сделала вид, что очень увлечена булькающим варевом в котелке.

Она осторожно заглянула и тут же отпрыгнула, когда горячая капля выстрелила вверх.

– Это что у тебя кипит? – спросила серая.

Эвриала захлопала ресницами, вся из себя мирная и домашняя, таких больше всего любят мужчины. Потом встрепенулась и проговорила виновато:

– Извини. Ты меня приютила, пока не выстроили жилье, а я тут устроила беспорядок.

Каонэль покосилась на котелки, словно прикидывая – не оживут ли, потом махнула рукой.

– Не страшно, – сказала она. – Главное потом это все собрать в одну кучу и отмыть. Но можно гномкам отдать, Тарнат все хвастается, какие у него чудесные и покладистые женщины. Вот пускай продемонстрирует. Вообще я вот зачем зашла.

Эвриала облегченно выдохнула и положила ложку на большой зеленый лист.

– Зачем?

– По поводу нашего Главы, – произнесла Каонэль и бросила взгляд в окно, где высится не большая, но все же, башня Теонарда. – Он что-то нервный в последнее время, и скрытный какой-то, а мне ничего не говорит. Думала, может, ты знаешь?

Горгона покачала головой.

– Нет. Нам, недавно прибывшим, он доверяет еще меньше. Но могу слетать, вдруг полезное узнаю.

– Буду признательна, – сказала эльфийка с улыбкой.

– Куда же еще признательней? Ты и так много для меня делаешь, – произнесла Эвриала.

Заправив выбившиеся локоны за уши, горгона сорвала забрызганный передник, крылья за спиной приподнялись. Она быстро оказалась у окна, которое, словно специально для таких вылетов делали – широкое и во весь рост. Потом подняла подол платья и осторожно переступила порожек.

– Постараюсь быстро и незаметно, – сказала Эвриала.

Она быстро пробежала по широкой, как тропинка, ветке и, оттолкнувшись, выпорхнула из кроны.

День угасал. Теонард вышел на крыльцо, заметно посвежевший после двух ведер воды, которые вылил на себя. Волосы мокрые и растрепанные, но с моря дует ветерок, и они высыхают прямо на глазах.

Со стороны дальнего поста на внешнем круге к нему несется амазонка Брестиды, непривычная и маленькая без лошади. Он хотел дернуться вперед, чтоб сократить расстояние, но удержался, напомним себе, что он Глава и нечего бегать, как простолюдину.

Амазонка прибежала запыхавшаяся, тугой хвост на голове растрепался, по лбу катятся крупные капли. Но лицо счастливое, словно не через круги и участки бежала, а коня выбирала.

Она быстро отдышалась и доложила, выпрямившись так сильно, что грудь подскочила почти до подбородка:

– Прибыли... эльфы. Солнечные. Там посол и сопровождение...

По земле скользнула крылатая тень, амазонка отшатнулась, но тут же встала по стойке смирно, раздраженная недостойной воительницы пугливостью.

Лицо Теонарда потемнело, он поднял взгляд в небо, то там уже пусто, на востоке появилась темная полоса, где зажглась первая звезда.

– Спасибо, Иллара, – проговорил он. – Ступай обратно, скажи, сейчас приду. Сюда не веди. Сперва сам посмотрю, что за остроухие, будь они неладны. И вот еще что... Собери, на

всякий случай, несколько отрядов, но на глаза пусть не показываются. А со мной пусть пятеро выедут.

Амазонка осторожно поинтересовалась:

– Хотите напасть, ваше главшество?

Теонард покачал головой.

– Надеюсь, нет. Но подстраховаться надо. Мало ли, что этим остроухим в голову взбредет.

– А-а... – протянула амазонка. – Поняла, тактический ход. Все сделаю.

Амазонка быстро поклонилась и помчалась обратно, вскидывая крепкие округлые ягоды.

Теонард невольно загляделся. Когда фигурка воительницы уменьшилась до размеров козы, он спустился по ступенькам и направился следом, стараясь держаться невозмутимо и спокойно.

Через минуту его догнал Лотер, глаза сверкают, как рубины, клыки торчат из пасти, словно собирается с разбегу налететь на прибывших и разорвать, чтоб следов не осталось. Волосы взлохмачены и напоминают больше двуногого медведя или волка.

Он щелкнул клыками и прорычал с веселой злобой:

– Я Страга позвал. Он вроде тоже эльфов недолюбливает. Хотя ума не приложу, с чего. У самого уши какие.

– Ты себя в зеркало видел, харя озверевшая?

– Злой потому что, – огрызнулся ворг. – Злой и голодный. Это все вы мне есть не даете. Изверги. Теонард, ты уж не подведи.

Арбалетчик нахмурился, по лбу пролегла глубокая морщина, словно думает уже не об эльфах, а обо всем мире, только мыслей так много, что они не умещаются в черепашке и лезут наружу.

– Постараюсь, – проговорил он. – Еще не понял, как, но постараюсь.

Лотер посмотрел на него с подозрением, но Теонард лишь сильнее сдвинул брови.

Проходя мимо эльфийского Дерева, ворг покосился на кроны, где мелькнула тень, зашуршали листья, и в воздух взметнулась стайка потревоженных светлячков. На фоне темнеющего неба, они показались магической пылью, которую мелкинд иногда использует в заклинаниях.

Ворг спросил, все еще глаза на Дерево:

– Ты ей не сказал?

– Нет, – бросил Теонард, не оборачиваясь. – Но что-то подсказывает, сама узнает. Главное, чтоб высокородные не промыли ей мозги прежде, чем решим вопросы.

– Ей попробуй промой, – хмыкнул полужверь. – Она вроде не в ладах с солнечным собратьями.

Теонард покачал головой.

– Тут дело тонкое. Это ее личные дрязги. Но они ей собратья, а значит, не известно, как себя поведет, если нападём. Да и нельзя нападать, хотя хочется. В общем, надо думать. А то эльфы быстро начнут качать права и указывать всем, что делать.

Шерсть ворга поднялась на загривке, он глухо зарычал и проговорил:

– Сойдись я с ним в честном поединке... без мечей и луков... От остроухого даже ушей не осталось бы.

Теонард приподнял бровь, покосившись на Лотера.

– Крепко они тебе насолили. Но надо десять раз подумать прежде, чем что-то решим. Ни дай бог, война с солнечными. Уж не знаю, насколько мы теперь могучи, но сразу на высокородных проверять не хочется.

– Ну да... – уклончиво пробормотал ворг и спросил, меняя тему: – Там мелкинд портал соорудил. Знаю, ты разрешил. Но вдруг будет пользоваться в своих целях? Мало ли, набегут всякие мелкие в Цитадель. И так всяких понабежало.

– Даже если будет, – сказал Теонард, пожимая плечами. – Все равно мелкиндов пока не видно, не известно, выжили ли вообще. Вон, тахаш честно признался, что один в целом свете. Даже Керкегор согласился, что его раса вымирает. А Каонэль вообще серая, хоть и красивая. Портал может быть полезным. Чародей пользуется такими, чем мы хуже?

Лотер напомнил осторожно:

– Все-таки чародей маг, или кто он там. И живет долго. Ему положено использовать порталы и северные ветры. Но мы? Справимся ли?

Теонард скрипнул зубами.

– Придется справиться. В наших руках великая мощь, чародей сам говорил. Так что выбора нет. А мелкинду я еще и сферу разрешил поставить, магическую, чтоб наблюдать за ближними территориями. Не все же самим бегать.

– Можно подумать, бегаешь, – усмехнулся Лотер. – Когда вообще из своей башни выходил? Это я бегаю, особенно утром, когда еще все спят. Воздух тогда самый чистый, а небо совсем бледное. Или ночью.

Теонард скривил губы, и произнес, поправляя меч на поясе:

– У нас есть дозорные, но лучше заранее видеть, что там, вдалеке, прежде чем высылать отряды. Конечно, проще отправлять гоблинов, их хлебом не корми, дай крашаром помахать. Но мы же должны головой думать, а не тем, на чем сидят гномы.

И без того жуткая морда полузверя оскалилась, послышался прерывистое рычание, которое в зверином облике означает смех. Теонард передернул плечами и ускорил шаг.

Когда резиденции остались позади, Хранители двинулись через второй круг поселений, где успели появиться дома, местами двухэтажные, из крепких, добротных бревен, торговые лавки и кузницы. Народ, что обосновался тут, прибыл к Цитадели раньше всех и теперь с гордостью демонстрирует остальным преимущество.

Завидев Хранителей люди почтительно кланяются. Даже гномы, которые расселись на лавке возле таверны, которую зачем-то разместили на поверхности, тоже кивнули.

– Признают, – проговорил Лотер.

– Чего?

Ворг повторил:

– Признают, говорю. Не только гномьего хранителя, который толстый и упитанный Гарнат. А вообще, всех. Это хорошо. Власть нужно уважать. В любой стае важно четкое подчинение, а если его нет – стая погибнет во внутренних драках и склоках.

– Суровые у вас законы, – сказал арбалетчик.

– Не суровее других, – огрызнулся Лотер. – На гоблинов посмотри, у них крашар почти священный. А у людей вообще леший разбери, что творится. Грызетесь друг с другом, хуже псов.

– Ну-ну, – предупредил Теонард. – Не слишком наседай. Я все-таки Глава Совета. Власть, вроде как, имею.

– И ответственность, – добавил полузверь хищно.

Теонард бросил быстрый взгляд на ворга, который время от времени говорит мудрые вещи, что совсем не вяжется с его диким и хищным обликом, и отозвался печально:

– Уж и не рад.

Пару минут шли молча. Когда вышли к кругу, где живут фермеры, которые успели распахать все пригодные участки и засеять кто чем, ворг сказал:

– Я понимаю. На твоих плечах непростая ноша. Но помни, так же, как ты отвечаешь за нас, так же и мы отвечаем за тебя. Сами выбрали. Даже если захочешь смыться – не получится. Будешь главствовать, пока не отпустим.

Он хохотнул во всю звериную глотку так, что куры в ближайшем курятнике послетали с насестов и с кудахтаньем принялись носиться.

Теонард тяжело вздохнул и устремил взгляд к посту, где в окружении амазонок остановился небольшой отряд.

Воины верхом на единорогах цвета первого снега. Все, как на подбор, высокие, кожа белая настолько, что едва не сияет в сумерках, медленно опускающихся на мир. Волосы светлые. Если у Каонэль они серебрятся, как горный ручей, то у этих – словно само солнце.

Каждый закован в доспехи из сияющего металла, на поясах по два меча. Смотрят бесстрастно и свысока. В середине карета, украшенная так вычурно, что удивительно, как добрались в целости, и не попались в руки дорожным разбойникам.

Лотер наклонился к Теонарду и шепнул:

– Из адамантина.

– Что?

– Доспехи, говорю, из адамантина, – пояснил ворг. – Глади как уставились. Будто все должны им, а они ничего и никому не должны.

По лицу арбалетчика скользнула тень.

– По долгам я мастер, – проговорил он хмуро.

Эльф впереди процессии посмотрел на Теонарда пронзительно синими глазами, голова едва заметно качнулась, что в его исполнении означает вежливый поклон. На несколько секунд повисло молчание, солнечные застыли верхом, в ожидании указаний старшего, а Хранители выжидательно уставились на них.

Наконец командир тихо выдохнул. Вскинув подбородок, с легкостью бабочки спрыгнул с единорога. Тот покосился на него рубиновым глазом, громко фырча и переступая копытами – от Дерева Каонэль тянется сочный аромат травы, а ему, бедному, приходится стоять тут и катать остроухих.

Эльф сделал шаг на встречу Теонарду и произнес:

– Я Белионар, сын главнокомандующего Эолумской армией Мориолина, старший гвардеец отряда солнечных эльфов, обладатель верхнего ранга владения мечем...

Пока эльф перечислял титулы, Лотер снова наклонился к арбалетчику.

– Смотри как распинается, – проговорил он. – Предупреждал же, что начнут выделываться. Может, гоблинов натравим?

Жвалки на лице Теонарда заиграли, пальцы сжались, но он ответил:

– Гоблинов всегда успеем.

Солнечный, тем временем, продолжал.

– Приближенный к самому казначею Тенадруину и его ослепительному сыну Лисгарду, а также носитель почетного титула высокородного. Явился в Цитадель по распоряжению короля Эолума, с целью доставить посла, который будет представлять интересы солнечных эльфов.

Теонард бросил быстрый взгляд на карету, украшенную с такой роскошью, что глаз не отвести, затем проговорил:

– Мое имя Теонард из рода Астарвардов, сын Мидшира и внук Гунтвига, который ведет род от самого Вильтенара. Я выполняю обязанности Главы Совета Хранителей, которые великодушно позволили мне занять этот пост.

Лицо эльфа осталось невозмутимым, но во взгляде мелькнуло удивление, словно впервые видит, как человек не просто связно говорит, но и перечисляет титулы.

– В самом деле? – поинтересовался эльф.

– Как видишь, – отозвался Теонард.

Справа распрямылся ворг, демонстрируя всем, что не просто ворг, а очень злой и клыкастый. Командир отряда остался невозмутим, но кончики ушей дернулись.

Теонард продолжил, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и уверенно, как и подобает Главе:

– А что же, ваш король не в курсе? В Цитадели уже есть представитель эльфов.

Губы Белионара дрогнули в усмешке.

– Король Эолума в курсе всего, – ответил он. – Но неперенным условием благополучия всего эльфийского народа является присутствие именно солнечного эльфа. Мы нисколько не пытаемся унижить достоинства лесных или, да сохранил нас сияющий источник, темных. Но мы, все же, высокородные.

– Заметно, – буркнул ворг.

Эльф проигнорировал его и продолжил:

– К тому же, есть надежда, что ваш Хранитель верный слуга его величества, хоть и не является высокородным. Но достаточно сознателен, чтобы передать осколок более достойному представителю, если в этом будет необходимость.

В этот раз ворг хохотнул, да так, что пришлось подтягивать портки.

– Вот прям счас, – сказал он. – Хранитель спит и видит, чтоб отдать вам кристалл. Каждый из нас жилы рвал, чтобы его получить, а тут прикатили вы, все такие белоухие, напомаженные и хотите осколок. Развертайтесь, пока целы.

Ворг зарычал и подался вперед, еще больше зарастая шерстью, но Теонард придержал его.

– Ворг прав, – произнес он. – Вы здесь чужие.

Вдалеке послышался топот, через несколько мгновений из-за кузницы выбежал Страг, взмыленный, как угорелый конь, волосы дыбом, в ладони рукоять секиры, готовая разить и крушить.

Амазонки едва успели его поймать, прежде чем тот успел накинуться на прибывших. Мягкие, но не по-женски крепкие руки ухватили его за локти и плечи, кто-то даже успел нашептать что-то в ухо, от чего щеки Страга покрылись красными пятнами.

Секира медленно опустилась, он бросил быстрый взгляд на Теонарда и убрал оружие за спину.

– И чего тут? – спросил он зло. – Я думал, не успею к сладкому. А вы беседуете.

– Да ничего, – ответил Теонард. – Пытаюсь выяснить, чем солнечные лучше лесных или болотных, или ... какие еще бывают? Как по мне, так все на одно лицо, ушастые и чванливые.

Все посмотрели на командира отряда, ожидая, что тот вспыхнет, начнет махать мечом, тогда будет честная причина прибить его прямо тут, а отряд развернуть и отправить подальше.

Но у Белионара лицо невозмутимое, как у мраморной статуи, что сотни лет стоит на вершине горы и блистает в солнечных лучах. Остальные гвардейцы такие же спокойные, на предводителя поглядывают с уважением и почтением, зато на Хранителей даже не смотрят.

Выждав пару мгновений, командир медленно повернулся к Страгу, в синих, как ледяное море, глазах блеснули искры.

– Странно видеть полукровку таким категоричным, – проговорил эльф ровным голосом. – Но, помня вашего эльфийского предка, который, по всей видимости, мать, вам следует изучить хотя бы правила эолумского приличия.

Страг буркнул:

– Больно надо. Теонард, гони их взащей, а? Или лучше прямо тут порубим по-тихому, пока никто не видит.

Эльфы, как один положили ладони на рукояти, глаза полыхнули синим, лишь Белионар остался неподвижным. Но той неподвижностью, от которой веет силой и опасностью.

– А я поддержу, – прорычал ворг.

Когда Страг потянулся к левому боку, где висит короткий кинжал, амазонки напряглись, а эльфы медленно потянули мечи из ножен.

Теонард проговорил спокойно, но уверенно:

– Страг, погоди. Давай хоть выясним, зачем посла привезли. Ну, кроме смехотворного желания забрать осколок. Хотя не знаю, как заведено у эльфов, но думаю, наш эльф его не отдаст.

Поединщик странно ухмыльнулся и опустил пальцы в карман, мечи высокородных выползли еще на пол ладони. Потом хмыкнул и вытащил два металлических шарика, которые стал крутить в ладони.

Теонард проговорил бодро, хотя ворг заметил, как тот облегченно выдохнул:

– Как видите, здесь никто не станет вас терпеть. Тем более, нас вполне устраивает ваш, в смысле эльфийский, представитель. А солнечного мы даже не видели. Мало ли, он урод какой?

Командир отряда дернулся, лицо чуть скривилось.

– Среди эльфов не бывает уродов.

– Да? – удивился Лотер, который все это время не сводил взгляда с белоснежной шеи командира. – Некоторые считают иначе. Вот есть у меня знакомая, все плачет, что не такая. Я ей говорю, мол, хороша, хоть и остроухая. А она все плачет. А вообще высокомерие и есть главное уродство. Так что ты подумай, подумай...

Для устрашения ворг показательно оскалился, щетина на лице погустела, а на пальцах вытянулись когти.

Брови Белионара сдвинулись, ладонь, как бы невзначай легла на левый меч, остальные эльфы уловили этот жест и, как один, встали в боевую позу.

– Как минимум, – проговорил высокородный важно, – мы должны проверить, подходящая ли у эльфов резиденция. Если все будет в порядке, а Хранителя сочтем достойным, уедем вместе с послом.

Теонард кивнул, но ворг снова заметил, что Глава перевел дух.

Над миром засиял серп месяца, заливая Цитадель бледным светом, в котором время от времени мелькают крылатые тени. В небе одна за другой зажглись звезды, похожие на острия иглока, а со стороны леса запели первые цикады.

Эльфы и Хранители молчаливо смотрят друг на друга, Белионар спокойный и возвышенный, будто золотой идол на пьедестале, его гвардейцы такие же сосредоточенные.

Зато Лотер и Страг зло улыбаются, в предвкушении возможной драки с остроухими, в которой можно с удовольствием покровосать солнечные кости.

Лишь Теонард темнее тучи, которая набежала на вечерний лес.

– Думаю вот что, – наконец проговорил он. – Так и быть, бить не будем, хотя хочется, аж кулаки зудят. Но видишь, как у нас высокородных любят? Боюсь, как бы чего не вышло.

Эльф презрительно скривился.

– Я думал, ты Глава, – произнес он.

Теонард кивнул и открыл рот, чтобы ответить, но его перебил Лотер.

– Глава, – прорычал он со злобным задором. – Не знаю, как там у вас в Эолуме, но здесь Глава умный, что значит, прислушивается к Хранителям, о которых заботится денно и нощно.

– Много ли такие Хранители, – проговорил Белионар, снисходительно глядя на ворга, – насосветуют? Обычно я не опускаюсь да объяснений полужверям, но вы Хранитель, поэтому скажу. Блистательный Эолум построен на четкой иерархии, где каждый знает, кому подчиняться.

Глаза Лотера медленно округлились, глаза перестали светиться, шерсть опала, а облик стал почти человеческим.

Страг и Теонард покосились на него, амазонки зашептались, а ворг произнес озадачено:

– Так что же у вас? Законы стаи?

Позади командира раздались смешки, эльф хмыкнул и сказал:

– Стаи у зверей, вроде вас. Хотя, насколько мне известно, вы не совсем звери. А Эолум – это оплот культуры и знания. Поэтому я бы поостерегся использовать такие сравнения.

– Иначе что? – зарычал ворг, снова обрастая шерстью.

Белионар пожал плечами.

– Не знаю, но мне бы не хотелось проверять остроту моих мечей в первый день прибытия. Ворг оцетинился и подался вперед, но Теонард жестом остановил.

– погоди, – сказал он. – Что значит в день прибытия?

– Вы же не думали, что мы оставим посла без охраны? – удивился эльф.

– А ты не думал, – отозвался арбалетчик, – что тебя вообще не пустят во внутренний круг? Цитадель для Хранителей, остальные селятся во втором, третьем и... остальных кольцах. А вас никто не звал.

Страг подкинул шарики, те звякнули в воздухе, он ловко подхватил и сказал громко:

– Да говорю тебе, гони их, гвоздь мне в пятку! Чего цацкаться. Могу помочь крепким пинком, вот и сапог у меня грязный, вступил, наверное, когда мимо Тарнатовой шахты шел...

Теонард посмотрел эльфю прямо в глаза.

– Видишь, – сообщил он буднично. – Ты свидетель, я пытался. Но с мнением Хранителей нужно считаться, иначе никак. Так что придется тебе забрать своего остроухого и вернуться в Эолум. А то покалечат кого.

Глаза Белионара потемнели, как грозовое море, уши вытянулись, он тяжело задышал.

– Если пострадает хоть один эльф...

Теонард его перебил:

– А если пострадает человек...

Он подался вперед, а пальцы высокородного сомкнулись на рукояти.

В этот момент карета качнулась. Ажурная дверца, украшенная камнями и золотыми лепестками отворилась, и на ступеньку шагнула изящная ножка.

Все замерли, наблюдая, как миниатюрная эльфийка с волосами цвета свежей соломы величественно спустилась на землю.

Платье колышется от вечернего бриза, легкое, словно из паутины, тонкая талия перехвачена золотым пояском, под грудью голубые ленты, а само декольте утянуто настолько, что вот-вот выпрыгнет.

Ворг нервно сглотнул, Страг перестал крутить шарики. Эльфийка подняла на Теонарда голубые, как само небо глаза и проговорила мелодичным голосом:

– Рада приветствовать вас, милорды. Я посол.

Глава 3

Хранители пару секунд смотрели на ослепительную эльфийку, даже в глазах амазонок мелькнула зависть к роскошному наряду и утонченности, от которой слезы наворачиваются.

Наконец Теонард проговорил чуть охрипшим голосом:

– Посол... Женщина?

Солнечная мило улыбнулась, обнажив два ряда жемчужных зубов.

– Позвольте представиться, милорды.

Белионар рядом вскинулся, глаза расширились, он быстро проговорил, делая шаг к ней:

– Миледи, вам не стоит. Позвольте представить вас, как подобает. Зачем высокородной эльфийке снисходить до перечисления титулов самостоятельно?

Она скользнула по командиру взглядом, пушистые ресницы колыхнулись, как крылья бабочки. Эльф моментально присмирел и отступил, склонив голову.

– Оставьте это, Белионар, – проговорила она высоким, чарующим голосом. – Мы прибыли во владения Хранителей, здесь свои законы. Уверенна, милорды будут помнить, что имеют дело не только с эльфийкой, но, прежде всего, с леди.

Лотер и Страг переглянулись, у обоих такие лица, по которым видно – очень сомневаются в своей принадлежности к каким-то милордам.

Эльфийка продолжила:

– Я миледи Генэль, дочь Нимероэля, второго советника короля Эолума. По настоянию казначея и приказу Его величества, прислана в качестве посла для проверки работы эльфийского Хранителя.

Пока эльфийка говорила, ворг тихонько подошел к Страгу и шепнул:

– Кто все эти Нимеро... и остальные?

Поединщик покосился на него недовольно, и сказал:

– Откуда я знаю.

– Ну у тебя ж вроде родство с остроухими.

Страг потемнел лицом.

– Слушая, я и обидеться могу, – проговорил он. – Сейчас достану секиру и начну обижаться. Я человек. Тебе понятно, или по-другому объяснить?

Ворг замахал руками.

– Ладно-ладно, человек. Хотя не пойму, чего так стараешься примкнуть к их рядам. Нет бы к кому-то приличному, к воргам например. А то к людям...

Он отвернулся и вернулся к Теонарду, который молчит, хмуря брови, словно вынашивает план мести всем врагам, в частности солнечным эльфам, но присутствие хрупкой и утонченной эльфийки смешивает планы.

Когда молчание затянулось на столько, что даже амазонки стали тревожно перешептываться, а Белионар покашливать, арбалетчик проговорил:

– Повторюсь. Солнечных эльфов, да и вообще остроухих тут не очень жалуют, за редким исключением. Но чтобы не обострять отношений с вашим Эолумом предлагаю вот что. Посол может остаться. Пускай проверяет, смотрит и что там ей еще надо. Сами возвращайтесь обратно. Даю слово, с вашей миледи ничего не случится. Как закончит, отправим письмо, тогда и заберете.

Белоснежное лицо командира стало еще белее, глаза сверкнули, он проговорил с нажимом:

– Мы не можем оставить миледи Генэль без охраны.

Теонард сложил руки на груди и кивнул.

– Понимаю, – сказал он. – Но видишь, в чем дело. Вокруг Цитадели образовался целый город, тут живут не только люди, а еще гоблины, гномы, гарпии, даже ворги, и еще много всяких. Безопасностью мы занимаемся все. Но вам ее гарантировать не могу, поскольку на окраинах может всякое случиться. Так что надо быть подальше друг от друга. Для общего блага.

Лицо Белионара скривилось, словно перед ним блоха пытается говорить о мироустройстве.

– Мы солнечные эльфы, – сказал он. – Как-нибудь справимся с шайкой разбойников, если вы сами не способны контролировать рубежи Цитадели. Мы одни из самых древних эльфийских народов, мы жили, когда люди еще не появились, и будем жить, когда вы исчезните, мы...

– Самоуверенные и высокомерные, – закончил Теонард резко.

Командир отряда открыл рот, чтобы ответить, но миледи Генэль вскинула изящную ладонь и проговорила:

– Белионар, довольно.

– Слушаюсь, миледи, – сказал он быстро, но взгляд колючих, словно ледяные иглы, глаз остался на Главе Совета.

Лотер насмешливо покосился на эльфа, губы растянулись в ухмылке, мол, какой же ты воин, если подчиняешься женщине, но промолчал.

С запада подул холодный морской воздух, который вечером становится сырым и промозглым, Теонард незаметно поправил плащ и проговорил, разворачиваясь в сторону башни:

– Лотер, проводи посла к Дереву. Пускай там разбираются. Страг, проследи, чтобы достопочтенные остроухие потрудились убраться от Цитадели на достаточное расстояние, чтобы не раздражать белыми физиономиями народ.

После того, как горгона сообщила Каонэль о прибытии солнечных эльфов, серая металась по комнате, как ужаленная дикой пчелой. Время от времени останавливалась и выглядывала в увитое корнями и плющом окно. Но оно выходит на башню Теонарда, а чтобы наблюдать за другой стороной, нужно подняться выше, в другие покои. А там сейчас живет Аэлло.

Когда в сгустившихся сумерках из ворговского леска выскочил Лотер и со скоростью бешеного кабана умчался на восточную сторону, Каонэль сжала кулаки и села в кресло из мха.

Она смотрела на светлячков под потолком, которые танцевали в темноте, составляя сложные фигуры, словно обладают общим разумом. Эльфийка пыталась сосредоточиться на них, но взгляд уползал к окну.

В дверь постучали.

– Да, – ответила серая отрешенно.

Створка отворилась и в проход шагнула горгона.

– Ты как? – спросила она.

– Переживаю, – честно ответила Каонэль.

– Так чего не сходишь?

Эльфийка поежилась.

– Боюсь.

– Чего? – не поняла Эвриала.

Каонэль снова как-то сжалась и проговорила:

– Вдруг они там уже передрались? Это же высокородные. Их даже я с трудом выношу. Ворг вообще не знаю, как утерпит. Да и Теонарду только дай повод, чтоб обрезать уши эльфу. Хотя ему и повод не нужен.

Горгона вздохнула.

– Понимаю, – сказала она. – За эльфов боишься. Я бы за своих тоже переживала.

Каонэль болезненно поморщилась и произнесла:

– В том-то и дело. Когда представляю, как порубили солнечных – внутри все падает, а когда думаю, как Лотеру и Теонарду головы снесли – сердце сжимается.

– Да, – проговорила Эвриала. – Непросто. Но ты все же сходи. Тем более, если бы что-то случилось, Мелисс уже до несла бы.

Серая тяжело выдохнула и сказала:

– Схожу. Сейчас соберусь и схожу.

– Вот и умница, – одобрительно сообщила горгона и стала прикрывать за собой дверь. – Я буду у себя. Если что, заходи.

Эльфийка осталась одна и снова уставилась в окно. Когда спустя несколько минут, размахивая секирой, по территории пробежал Страг, Каонэль вскочила.

– Матерь небесная... – прошептала она.

Еще некоторое время тревожно расхаживала по комнате. Потом выдохнула и сказала в никуда:

– Я схожу.

Расправив края плаща, взбила серебряный водопад волос, провела ладонью по корсету, выпрямляя невидимые складки. Взгляд упал на роскошное платье из паучьего шелка в шкафу.

Пару секунд серая смотрела, размышляя, стоит ли надеть его, чтобы предстать перед солнечными эльфами, но потом тряхнула головой и вышла в полумрак плетеных арок.

Спустившись, Каонэль вышла из роскошной двери, которую гномы почему-то называют дуплом и, на всякий случай, оглядела Дерево.

– Все-таки я молодец, – произнесла она тихо.

Ветки раскинулись, как пальцы древнего исполина, с одной стороны почти доходят до башни Теонарда. В кроне порхают стайки светлячков, и в темноте кажется, что дерево окутано магическим свечением.

На каждой ветке что-то вроде ульев, в которых можно поселить простых рабочих эльфов, если такие найдутся. Ствол широкий, внутри полно комнат и лестниц с витиеватыми узорами лиан и плющей.

Каонэль довольно улыбнулась, глядя на резиденцию, больше предназначенную для лесных, но деревья любят все эльфы, так что с этим не прогадала.

Эльфийка откинула непослушный локон со лба и занесла ногу для шага, в этот момент за спиной раздался голос, который ожидала услышать меньше всего.

– Поверить не могу! Серое недоразумение!

Глаза Каонэль сверкнули, она воинственно подняла уши и медленно обернулась.

– Генэль? – неверяще выдавила она.

Солнечная эльфийка застыла перед ней в привычном для эолумских красавец наряде. Платье струится в пол, голубые ленты под грудью колышутся на ветру, а само декольте настолько глубокое, что при желании можно разглядеть пупок.

Генэль смотрела на серую с таким же изумлением, но спустя несколько секунд, спохватилась. Манерно поправив локон, который выбился из высокой прически, спросила надменно:

– Как тебя сюда занесло?

В опустившейся на плато темноте глаза Каонэль засветились, как раскаленное золото, голова чуть наклонилась, кончики ушей нервно дернулись.

Она проговорила с нажимом:

– Могу тебя спросить о том же.

Лицо Генэль кажется сияющим, но в глазах ледяной огонь, а губы искривлены насмешкой.

– Да будет тебе известно, – произнесла она королевским тоном, – меня прислали из самого Эолума в качестве посла солнечных эльфов. Тенадруин рекомендовал меня королю.

При этих словах солнечная прищурилась, как поймавшая птичку кошка, и замолчала. Каонэль набрала воздуха, но заметив, как снисходительно улыбается эолумская красавица, сжала губы.

Досчитав до пяти, выдохнула, взгляд стал блуждать по резиденциям, новым постройкам со стороны ворговского леска. Серая намеренно старалась не смотреть на высокомерное лицо солнечной.

Наконец спросила:

– У вас тоже есть часть Талисмана?

Генэль дернула кончиками ушей, на них звякнули серьги с синими, как глубокое море, камнями.

– Нет, – проговорила она все так же надменно. – Пока нет. Но согласно этикету и порядкам высокородных, мне положено явиться перед эльфийским Хранителем осколка. Если кристалл не в тех руках, заберу. И проверю, как обустроили резиденцию.

– Очень интересно, – оживилась Каонэль.

– Не веришь? – снисходительно поинтересовалась Генэль. – Зря. Даже ваш человеческий Глава размяк, как медовая пыльца на солнце, когда меня увидел. А люди, как известно, примитивны во взаимоотношениях.

Серая сложила руки под грудью, декольте приподнялось.

– Много ты знаешь о людях, – сказала она хмуро.

– Достаточно, чтобы уметь с ними обращаться, – произнесла эолумская красавица. – Это я только что доказала. Кстати, с полукровками и полужверями тоже.

Каонэль вздохнула так тяжело, словно на нее опустилась ладонь каменного тролля. Она покачала головой и посмотрела на башню Теонарда.

Башня в свете месяца выглядит одиноко и зловеще. Если замок Страга окружен розами, из окон льется теплый свет, а прислушавшись, можно уловить, как он упражняется то ли в прыжках, то ли во владении мечом. То резиденция Теонарда суровая и аскетичная даже снаружи. А Лесок вора ночью вообще страшный.

Каонэль повернулась к высокородной и посмотрела прямо в глаза.

– Значит, решила опутать любовными чарами эльфийского Хранителя... – проговорила она озадаченно.

– Если бы ты хоть немного была леди, – проворковала высокородная, – не задавала бы глупых вопросов. Самая сильная сторона эльфийки, ее хрупкость и утонченность.

– Ну конечно, – фыркнула серая. – От вашей утонченность даже воздух становится приторным.

Улыбка солнечной стала шире, уши приподнялись, обравив прическу, словно рогатая корона.

– Я прощаю твое невежество, – произнесла она. – Ты ведь рождена... дайка подумать. Ах, да. Никто не знает, где и кем. Так вот, серая, даю бесплатный совет. Если хочешь управлять, маши не мечом, а платьем.

Глаза Каонэль сверкнули.

– Мне не нужны советы белоухой, которая всю жизнь просидела в Эолуме, – сказала она.

Вверху что-то зашуршало, когда обе подняли головы, из темноты на землю свалилось пустое гнездо.

Эолумская красавица, скривив носик, посмотрела на гнездо и отшагнула. Потом приподняла края платья, будто само присутствие птичьей корзинки оскверняло ее высокородную натуру.

Изящные брови серой сдвинулись, она быстро скользнула взглядом по кроне. Затем подняла гнездо, а когда поднесла к носу, глаза прикрылись, и Каонэль несколько раз быстро втянула воздух.

– Не страшно, – проговорила она отрешенно. – Его покинули давно.

Губы Генэль скривились так, будто целиком засунула в рот очищенный лимон. Брезгливо растопырив пальцы, эолумская красавица отступила на шаг.

– Я рада, – сказала она, морщась. – Вот и займись этим птичьим мусором. Ты ведь для этого в Цитадели?

– Для чего? – не поняла Каонэль.

– Для поддержания чистоты и гармонии, – сказала солнечная снисходительно. – Так в Эолуме называют уборку.

– Для леди ты слишком дерзкая.

Уши Каонэль вытянулись, глаза превратились в щели, из которых льется желтый свет, она потянулась к антрацитовый рукояти, но Генэль отвела в сторону ладонь и быстро зашевелила губами. Между пальцами забегали огненные искорки.

Серая изумленно произнесла:

– Нельзя же вне Эолума говорить на высшем языке!

– Для дела можно, – ответила высокородная. – Не всем и не всегда.

Так они стояли, сверля друг друга ненавидящими взглядами, пока над ними не пронеслась огромная крылатая тень.

Раздался клекот, эльфийки нехотя опустили руки, провожая дозорную горгулью взглядами.

– Чудовище, – прошептала Генэль, вскинув голову. – Как можно было таких пустить в Цитадель... Но мы наведем порядок. Теонард пустил меня для исследования резиденции.

Серая снова глянула на высокородную, которая все еще глазеет в темноту неба, пытаясь рассмотреть крылатый силуэт, щурится и морщит нос, но, как и все солнечные эльфы, ночью видит плохо.

– Еще раз. Ты твердо намерена опутать любовными чарами эльфийского Хранителя? – переспросила Каонэль.

Высокородная наконец перестала тарашиться вверх, и одарила серую снисходительным взглядом. Потом обошла ее, подняв подбородок, и остановилась у входа в дерево.

Она произнесла:

– Я уже сказала, зачем прибыла. Для особо непонятливых могу повторить, но не уверена, что запомнишь.

– Ты очень любезна, – фыркнула серая.

– Даже слишком.

Несколько мгновений посланница разглядывала увитую плющами арку, носик кривился, время от времени что-то бормотала, пару раз порывалась коснуться покрытой трещинами коры.

Потом осмелела и ткнула ствол холеным пальчиком.

– Кто додумался поставить дерево... – проговорила она. – Нет, мы все их любим, но делать из дерева резиденцию? Сколько же тут работы... Когда осколок будет передан солнечным эльфам, мы позаботимся, чтобы на месте этого прекрасного, но неуместного дерева появился ослепительный замок, достойный Эолума. А тебя я, так и быть, выгонять не буду. Разрешу жить вон там, на окраине последнего кольца.

Она указала на самую дальнюю часть всей крепости, ее уши дернулись, отгоняя назойливых мошек, которых ветер принес с огриного болота.

– Я счастлива, – хмуро произнесла Каонэль, глядя на башню Теонарда.

Эолумская красавица расправила невидимые складки на платье и произнесла, делая шаг в проход дерева:

– Развлекайся с гнездом, серая.

Глава 4

Когда высокородная скрылась в Дереве, Каонэль пару минут стояла перед входом с гнездом в ладони. Взгляд впился в ствол, словно несчастное Дерево виновато в прибытии солнечной.

Серая слышала, как Генэль поднялась на второй ярус и заняла покои напротив ее комнаты, чуткий эльфийский слух уловил, как она недовольно ворчит на тему недопустимости в резиденции такого обилия корней и мха.

Когда высокородная начала обустраиваться и переставлять предметы, глаза Каонэль сузились, как у готовящейся к броску кошки, уши вытянулись, она сделала шаг к двери, но за спиной что-то глухо бухнуло.

Она резко обернулась, ладонь схватилась за анрацитовую рукоять, но тут же опустилась.

В бледном сиянии светлячков застыла Мелисс. Хищная горгулья с каменным клювом и когтями, способными вспороть брюхо быку. Она выпрямилась перед эльфийкой и проговорила резким каркающим голосом:

– Беспорядки!

Каонэль выдохнула.

– Где?

– Там, – ответила горгулья и указала в темноту дальних колец вокруг Цитадели.

Эльфийка взгляделась в темноту. Благодаря ночному зрению смогла разглядеть задремавших гномов на лавке возле таверны, даже кузницу чуть дальше. Но окраины скрыты домиками и бараками.

– Мелисс, миленькая, – проговорила Каонэль все еще глядя в темноту, – можешь быть поточнее? Кто там дерется? На чьей территории?

Горгулья склонила голову на бок, взгляд на секунду стал задумчивым, словно пытается подобрать слова. Потом сказала резко:

– Со стороны земледельцев, с восточного края. Драка между солнечными эльфами и людьми.

– Забытые боги! – охнула Каонэль. – Почему Теонарду не сказала?

Мелисс пожала плечами.

– Это же эльфы дерутся. А ты Хранитель от эльфов.

– Я-то от эльфов, – выдохнула серая, – а Теонард от людей.

С этими словами Каонэль сорвалась с места и побежала в сторону крайнего кольца.

Гномы, дремлющие у таверны, храпели, как хор медведей. Когда один заерзал и ткнул локтем в глаз другому, тот проснулся.

Разлепив веки, успел заметить, как по дороге пронеслась темная тень в плаще с серебристым шлейфом волос. От воздушного потока борода рубаки качнулась, гном закричал и потер кулаком правый глаз, но когда смог хоть что-то разглядеть, двор опустел.

Эльфийка бежала, словно за ней гонятся звери Чумного леса, глаза горят, лацерна раскрылась как крылья огромного ворона, но движется бесшумно, больше напоминая призрак.

За несколько минут она миновала круг резиденций, купцов и ремесленников, а в половине перелета стрелы уши эльфийки уловили звуки боя, крики и ругань.

Каонэль поднажала и через несколько мгновений оказалась у небольшой поляны, где солнечный отряд разбил шатер. У входа на табурете с тонкими ножками сидит эльф с белой кожей и соломенными волосами. По обе руки по два гвардейца, все закованы в алмаз, в руках по клинку.

Эльф с благородной суровостью взирает, как в середине поляны схлестнулись один из его гвардейцев и дородный детина.

Гвардеец безоружен, но на противника поглядывает с презрением, словно тот не достоин схватки на мечех. Зато у детины здоровая дубина, которой размахивает, но не попадает по юркому белокожему.

Люди стоят полукругом чуть поодаль, кричат, потряхивая кулаками, подбадривают парня, а эльфы на другой стороне снисходительно спокойны.

Каонэль секунду смотрела на происходящее, потом сделала пару вдохов и вышла из кустов в самую середину поляны.

Бойцы в замешательстве остановились, детина нахмурился, опуская дубину, а гвардеец оглянулся на командира.

– Что здесь происходит? – с расстановкой спросила Каонэль.

Крики и гомон быстро затихли, несколько крестьян поспешили скрыться в темноте, охая и бормоча что-то неразборчивое.

На безмятежных лицах солнечных эльфов появилось удивление, а командир уставился на серую немигающими глазами. Затем медленно и с достоинством поднялся, жестом приказывая принести еще один табурет.

Один из гвардейцев скрылся в шатре, через секунду появился с резным стульчиком и поставил рядом с первым, а командир жестом пригласил серую сесть.

Каонэль бросила холодный взгляд на него, игнорируя приглашение, и повторила:

– Кто-нибудь потрудится объяснить, кто устроил драку рядом с Цитаделью?

– Могу я уточнить имя леди, – поинтересовался командир, – которая так бесцеремонно нарушила наше развлечение и требует ответов на странные вопросы?

Серая вытаращила глаза.

– Что же в них странного?

Командир улыбнулся, словно она мало дитя, которому нужно все разжевывать и разъяснять.

– Это люди, – произнес он так, словно это все объясняет.

Каонэль окинула взглядом кучку крестьян на другой стороне поляны. Женщины жмутся к мужчинам, а те смотрят на белокожих со страхом и плохо скрываемой злобой.

Затем обернулась к эльфам и произнесла:

– Ах, да. Люди. А вы высокородные солнечные эльфы, которые даже на своих собратьев глядят свысока.

Командир сдержанно улыбнулся.

– Этому есть причины, – сказал он. – Лесные эльфы разбираются со своими проблемами и неожиданно свалившимся счастьем. О темных вообще давно не слышно. И... не считите за дерзость, но серых эльфиек мне тоже видеть не доводилось. К тому же, вы все еще не представились, миледи.

– Как всегда, церемонии, – усмехнулась серая.

Из темноты леса донесся крик совы, раздался шорох и топот убегающих лап. Каонэль задумчиво посмотрела во мрак деревьев, глаза засияли сильнее.

Командир поднял правую бровь, проследив за ее взглядом. Несколько секунд шурился, пытаясь разглядеть в кустах хоть что-нибудь, но потом нахмурился и отвернулся.

– И так, миледи? – повторил он.

Серая откинула края лацерны, на груди блеснула цепочка, но подвеска, надежно спрятанная в декольте, осталась неподвижна.

– Знаешь, не скажу, что люблю людей, – проговорила Каонэль, взбивая волосы. – Даже очень наоборот. Еще совсем недавно с удовольствием самолично утопила бы их в ближайшей реке, или отрезала бы уши, например. Но сейчас для этого не лучшее время. Тем более, они

находятся под защитой человеческого Хранителя. А мир, можно сказать, зыбок. К тому же, если так настаиваешь на соблюдении приличий, то согласно эолумским правилам этикета, первым назваться должен эльф. Тем более, гость.

Среди гвардейцев послышались вздохи и едва различимы шепот, командир на секунду застыл. В синих, как гаюины, глазах мелькнула тень, отдаленно напоминающая смущение.

Он громко прочистил горло и поднялся. Потом сделал шаг вперед, голова чуть наклонилась.

– Прощу меня извинить, миледи, – проговорил белокожий. – Мое имя Белионар, сын главнокомандующего Эолумской армией Мориолина...

Серая сразу прервала его, вскинув ладонь.

– Достаточно. Меня можете называть Каонэль, я понятия не имею чья я дочь, а имя мне дал Тенадруин.

Над лагерем эльфов прокатился изумленный вздох, глаза командира медленно округлились, рот раскрылся.

Тем временем, фермеры за спиной эльфийки затихли и с интересом наблюдают за общением ненавистных, но удивительных эльфов, словно перед ними разыграли сценку из древних летописей. Дитина и гвардеец, которые всего несколько минут назад горели желанием убить друг друга, стоят рядом и таращатся на происходящее.

Когда к командиру вернулся дар речи, он проговорил:

– Сам казначей?.. Так значит... Вы та серая эльфийка, которая...

– Да-да, – быстро сказала Каонэль. – Это я. Как будто могли быть другие серые эльфийки.

Она развернулась к крестьянам, дитина и гвардеец, наконец, осознали, что стоят слишком близко друг к другу. Белокожий с достоинством, но быстро вернулся к шатру, а дитина попятился к своим.

– Глазам не верю, – прошептал командир.

А Каонэль сделала шаг к людям и произнесла громким, чистым голосом:

– Расходитесь по домам. Это недоразумение не должно повториться. Эльфы вас не тронут, пока я это того не позволю. А вам следует согласовывать такие вылазки с Теонардом, уверенна, он будет не доволен.

Из толпы послышался чей-то голос.

– Теонард сам не любит эльфов!

Серая впиалась взглядом в кучку людей, народ стоит плотно, но она смотрит, не мигая, будто видит крикуна.

– Что любит Теонард вас не касается, – отрезала она и снова развернулась к солнечным эльфам. – А вы сейчас же снимитесь со стоянки и уйдете подальше в лес. Или еще лучше, возвращайтесь в Эолум. Здесь достаточно одной солнечной эльфийки, чтобы портить всем жизнь.

– Извиняюсь, но вы в своем уме, миледи? – поинтересовался Белионар. – Я командир отряда солнечных эльфов и подчиняюсь лишь его величеству. У меня приказ.

Каонэль кивнула.

– Понимаю, – сказала она. – Но, как говорит наш замечательный Глава, здесь приказы королей не работают. Вы эльфы, и мне приятно видеть вас. Но я не могу допустить, чтобы происходили такие стычки. Вдруг убьют солнечного?

– Исключено! – выдохнул командир, потеряв привычное эльфийское спокойствие. – Мы сметем любого врага!

Серая покачала головой.

– Может, и сметете, но такая битва будет слишком дорого стоить. Вам вообще не следовало сюда являться. Не знаю, чем думал ваш король.

Уши Белионара покраснели, словно закат перед ветреным днем, глаза полыхнули синим, он проговорил с нажимом:

– Вы забываетесь, миледи Каонэль. Его величество неприкосновенен, он знает, что лучше для всего эльфийского народа.

Серая бросила на него резкий, как антрацитовое лезвие, взгляд, лицо потемнело, уши воинственно вытянулись, словно сейчас бросится на командира солнечного отряда.

Когда заговорила, голос прозвучал жестко, будто в нее вселился дух правосудия.

– Знает? – спросила она ядовито. – Знает? Если бы твой король знал, эльфийскому народу не пришлось бы уходить все дальше в леса и прятаться за магическими воротами! Если бы твой король знал, на далеких северах эльфов не уводили бы в рабство, как поганый скот! Твой король спрятался в Эолуме и лелеет воспоминания о былых днях, которые не вернуть, а мир тем временем заполняют люди и гоблины. Разве твой король не знает, что эльфов ждет судьба птерингов, если ничего не предпринять? Почему он ничего не делает? Я отвечу тебе Белионар, сын Мориолина! Он боится! И вы все боитесь, поэтому цепляетесь за прошлое. Оно вас не спасет. Единственная надежда – Цитадель!

Каонэль замолчала. Декольте высоко вздымается, словно она пробежала сотни перелетов стрелы без остановок на еду и сон, в янтарных глазах фиолетовые искры.

Командир сжал челюсти. Гвардейцы застыли в ужасе от святотатства, которое услышали. Даже горстка людей, которая все еще чего-то ждет позади, замерла, будто их вообще нет.

Белионар шумно слотнул, не сводя с Каонэль стеклянного взгляда, краснота ушей расползлась ниже и захватила щеки.

– Миледи... – проговорил он хрипло. – За такие речи я должен вас немедленно казнить...

Каонэль закрыла глаза, послышался глубокий вдох, она выждала пару секунд и вновь взглянула на командира. Тот все еще наполовину пунцовый, что для солнечных эльфов почти невероятно.

Шагнув к Белионару, эльфийка приблизилась настолько, что нарушила сразу десять эолумских правил приличия, командир застыл, а Каонэль прошептала ему на ухо:

– Эльфы мой народ. Я люблю его, несмотря на то, что ни один из вас до сих пор меня не принял. Я хочу, чтобы мы выжили. Разве не понимаешь? Я пытаюсь защитить. Теонард не эльф. Он, если надо, в спину выстрелит.

Серая отстранилась от командира, у которого теперь даже лоб стал багровым.

– Это возмутительно, – сказал солнечный глухо.

– Но это так, – заверила Каонэль.

Гвардейцы смотрят на главу отряда, будто он превратился в чудовище, а на эльфийку вообще, как на исчадие из другого мира.

Белионар оттянул край воротника и проговорил еще более хриплым голосом:

– Назовите хоть одну причину, по которой должен вас слушать? По приказу короля мне нужно доставить посла Хранителю...

– Отлично, – отмахнулась Каонэль. – Ты выполнил приказ. Хранитель я.

Командир резко побледнел, лицу вернулась былая белизна, но с легким оттенком мертвенности, он попятился и сел на табурет, не сводя взгляда с эльфийки.

– Вы?..

– Да, – ответила она улыбаясь. – Безродная серая эльфийка. Передавайте привет Тенад-руину, он был добр ко мне. И...

Серая на секунду запнулась, взгляд устремился куда-то в темноту, потом проговорила:

– А его сын почему не приехал?

– Ему предлагали, – проговорил командир не своим голосом. – Сказал, что поедет сюда только при смертельной угрозе эльфам.

Каонэль вздохнула.

– Понятно...

Потом резко развернулась и пошла через поляну в сторону своей резиденции, сияющие кроны которой видно даже с такого расстояния.

Проходя мимо людей, Каонэль сказала тихо:

– Чтоб через три секунды вас не было. А то Теонарда позову.

Ночь окутала мир темным покрывалом, небо усеялось звездами, словно боги просыпали муку на черный бархат. Главное здание Цитадели подпернуто зеленовато-голубы свечением и напоминает призрака во мраке.

Но вокруг есть участки с черными провалами. Керкегору, Тарнату и Мелисс резиденции освещать нет надобности. Наверху крылатые и так чувствуют себя в безопасности, гном живет под землей, а у некоторых вообще до сих пор нет жилища.

Вокруг эльфийского Дерева порхают светлячки, делая его еще прекрасней, в окнах домов и барачков свет, слышны тихие разговоры.

Лишь в таверне шумно, гогот и громыхание. Время от времени отворяется дверь, выбегает гном с кружкой, больше похожей на небольшую бочку, крича и размахивая руками. Брага плескается через край, а когда из таверны раздается дружный смех, гном разворачивается и с довольным видом скрывается внутри.

Когда эльфийка проходила мимо, чуткий слух уловил разговор двух гномов за окном.

– Да я говорю, белоухий побил мужика!

– Врешь! Все врешь! Туда серая прибежала, я сам видел.

– Не было серой. Чего б она по ночам шаталась?

– Я сам видел! Видел!

– Врешь...

Каонэль нахмурила идеальные брови и ускорила шаг. В башне Теонарда, к которой направляется, подозрительно горит свет. Эльфийка нервно дернула ушами и перешла на бег.

Спустя пару минут, взлетела по ступенькам на крыльцо и постучала. Изнутри донеслось низкое неразборчивое бормотание, которое можно принять за приглашение.

Каонэль вошла, а когда оказалась в зале, бросила с порога:

– Теона...

И замолчала на полуслове. Возле самодельного очага стоит Теонард, руки сложены на груди, брови сшиблены на переносице, взгляд устремлен на нее.

Рядом горгулья со сложенными крыльями, непривычная и даже похожая на женщину в таком виде. Она быстро посмотрела на Каонэль, затем отшагнула к стене и стала едва заметной, будто превратилась в камень.

Слева пахнуло сырой шерстью и хвоей, эльфийка поморщилась, но даже не оглянулась на ворг.

– Ты очень вовремя, – проговорил, наконец, Теонард. – А то я все думаю, как лучше сделать. Поотрезать твоим остроухим уши или просто перебить, чтоб неповадно было?

Глаза эльфийки засветились, как у ночной совы.

– Не придется, – сообщила она с расстановкой.

– Почему это? – удивился Теонард. – За нарушения следует наказывать, иначе никакого порядка не будет. Так, Лотер?

С другой стороны зала, похожего на жилище аскета, раздался рык:

– А то! Мы в стае держали всех в медвежьих лапах, и в волчьих клыках. Чем лучше соблюдают правила, тем крепче стая.

– Вот-вот, и я про то, – согласился человек. – Когда они приехали, еле сдержался, потому как нам теперь положено думать головой, а не чем привыкли.

– Это чем же? – подозрительно спросил Лотер, выходя из тени.

В зубах кусок, отдаленно напоминающий кость, но какой-то зеленый и в пятнах. Полузверь с наслаждением перекатывает ее языком и щурится, волосы включены, на портках возле колена дыра, будто так и носился по лесу.

– Ну-ну? Глава, не томи, – повторил ворг, щурясь, – объясни нашей скромной эльфийке чем не стоит думать, эм... Никогда.

– Да вот, думаю, как аккуратней сказать, – произнес Теонард.

Он протянул ладонь к костру, тот горит прямо на каменном полу, по стенам мелькают тени, превращая балки в чудовищ. В свете огня лица тоже кажутся зловещими, словно у демонов, которые только покинули преисподнюю.

– Я не так глупа, как считаете, – фыркнула Каонэль. – Могу догадаться, кто чем думает.

– Угу, – проговорил Теонард, после паузы. – Тогда, чем думали солнечные ханжи, когда напали на моих крестьян?

Эльфийка вспыхнула.

– Еще не известно, кто на кого напал!

– Не сложно угадать, – рыкнул Лотер со злым весельем. – Если они в своем Эолуме людей в рабство угоняют, то почему тут должны вести себя по-другому? Мне на людей плевать, хоть перебейте друг друга, но тут вам не там. Надо порядки соблюдать. И вообще, люди всего лишь бесхребетные, а эльфы хуже.

– Эльфы хуже, – подтвердил Теонард недовольно поглядывая на ворга.

Каонэль вскинула подбородок и проговорила резко:

– Я, если не забыли, тоже эльфийка.

Теонард посмотрел на нее, потому на горгулью, которая так и стоит, как каменная, возле стены, затем снова перевел взгляд на Каонэль.

– Оно как бы так, – сказал он, – но и, как бы, не совсем. Ты эльфийка для них, а для нас ты... Каонэль. Понимаешь? Ничего, потом поймешь. В общем, думаю, надо твоих эльфов наказать, как следует. И скажу честно, сделаю это с удовольствием.

Серая глубоко вздохнула и произнесла:

– Сказала же, не придется. Я уснула их от Цитадели. Но думаю, далеко не уйдут, станут лагерем где-то в лесу. Осталось только белоухую из своего Дерева выгнать, и вопрос будет исчерпан.

Ворг кивнул.

– Верно. Пока пускай делает что-нибудь полезное. А нет, так давай ее к Теонарду посуду мыть или, так и быть, ко мне. Только у меня нет посуды, а в землянке она и за ночь загнетса. Главное Тарнату не отдавать, а то потом точно солнечные эльфы войну объявят.

Каонэль посмотрела на него хмуро. Из узкого, как щель, окна прилетел поток ветра и раскрыл края плаща, открыв идеально выточенную фигуру, в тугих кожаных доспехах.

Вместе с ветром прилетела стайка листьев, один закружился над эльфийкой и опустился в декольте. Она нарочно медленно опустила в него пальцы, под пристальным наблюдением вытащила. Когда ворг, наконец, захлопнул рот и отвел взгляд, Каонэль поднесла лист к носу.

– Из Поломанной рощи принесло... – проговорила она, втягивая воздух.

Серая сунула лист обратно в вырез и сомкнула края лацеры. Со стороны ворга послышался разочарованный вздох.

Каонэль продолжила:

– Правильно решили. Для общего блага солнечную лучше отправить подальше, чтобы ее маленькие глазки и острый барсучий нос не лезли в чужие дела. Иначе она своей легкостью и чистотой нам всю Цитадель перепачкает.

Лотер и Теонард переглянулись, ворг проговорил задумчиво:

– Смотрю, ты ее очень полюбила. Аж глаза, горят. Молодец, что отряд развернула. Только если мы отправим обратно посла, разве в Эолуме не обозлятся?

– Если добровольно уедут, – сказала эльфийка. – Все в порядке будет. Боюсь лишь, что вы не выдержите и начнете драться. А тогда точно ничего хорошего не выйдет.

Ворг демонстративно оскалился и показал длинные, как у медведя, клыки.

– С удовольствием подрался бы. Только Теонард не пускает. Говорит, надо умом, а не мышцами. А ты их чего гонишь?

– Как тебе сказать, – уклончиво произнесла серая. – Не хочу, чтоб кого-нибудь из них убили. Или они кого, что более вероятно.

– Не позволю! – прорычал полуживое. – До последней капли крови буду биться. Даже не за воров. Мы народ самостоятельный. А просто потому, что высокородные.

– Вот-вот, – подтвердила эльфийка.

В этот момент входная дверь скрипнула, Теонард потянулся к мечу на поясе, но видя, как ухмыльнулся ворг и скривилась эльфийка, опустил руки, принимая позу, достойную хозяина башни.

Через пару секунд из прохода появилась утонченная эльфийка с кожей, белей чем весенний снег. Глаза, словно само небо, края платья из паучьего шелка колышутся при каждом шаге, а содержимое декольте передавлено и стремится наружу. На голове высокая прическа, обрамленная темно-синими камнями. В ушах длинные серьги с такими же драгоценностями, настолько крупными, что оттягивают мочки. Но острые кончики гордо торчат вверх.

Белокожая смерила изумленным взглядом Каонэль и, высоко задрвав подбородок, последовала на середину зала.

Остановившись, присела в коротком поклоне и произнесла высоким голосом:

– Приветствую Хранителей Золотого Талисмана.

Высокородная повертела головой и остановила взгляд на Лотере, тот все еще скалится, а левый клык длиннее правого. Он оглянулся, ища, на кого могла бы тарашиться солнечная, потом озадаченно хмыкнул.

Теонард недовольно сморщился, Лотер проговорил вместо него:

– Виделись уже. Кстати, нужно стучаться, когдаходишь в чужой дом. Такому в Эолуме не учат? Так вот учу, почти бесплатно. Надо стучаться. Это Теонард у нас сегодня добрый, а если к гоблину, или, не к ночи будет сказано, огру зайти... Тот и сожрать может. Как тебе у нас? Не дует?

Белокожая слегка повернула голову, кивнула настолько сдержанно, что будто и неживая вообще. Спина прямая, подбородок демонстративно поднят, словно на голове корона, и если резко дернется – свалится.

Она равнодушно улыбнулась, Лотер покосился на Каонэль, та оперлась спиной на стену и молча смотрит на высокородную. Глаза полыхают, как маленькие солнца, кончики ушей подергиваются.

Теонард подложил в костер полено, потревоженные угли пыхнули искрами, а те растаяли, так и не долетев до пола.

– Ты вот что скажи, – начала он, потирая подбородок, – зачем фермеров задирали? Понимаю, люди, эльфы, вражда. Но тут как бы надо ответ держать.

Высокородная снова улыбнулась и проговорила серебристым, как ручей голосом:

– Не представляю, о чем речь.

Каонэль фыркнула, солнечная даже не удостоила ее взгляда. Теонард покосился на ворга, тот пожал плечами и достал из кармана очередную кость, через секунду она скрылась во рту, послышался сочный хруст.

– Значит, – произнес Теонард терпеливо, – ты не в курсе, что твой отряд устроил зрелище на окраине?

– Разумеется, нет, – осветила Генэль мирно. – Я ведь посол, а не гвардеец или командир. Такими вещами следует заниматься эльфу подкованному и умелому в военном деле, а я эльфийка. У меня другие задачи.

Ворг спросил:

– Это какие, позволь узнать?

Высокородная улыбнулась так, что показалось, в зале стало чуточку светлее.

– Исключительно защищающие интересы всех эльфов, – ответила Генэль.

С другой стороны зала донесся едкий голос серой.

– Даже мои?

Генэль бросила на нее быстрый взгляд и улыбнулась, как кошка, поймавшая мышь. Каонэль ответила ей многозначительной ухмылкой и покачала головой, стягивая края лацерны.

Остальные хмуро, но с интересом наблюдали за противостоянием двух эльфиек. Даже молчаливая Мелисс высунула каменный клюв из тени.

В дальнем краю зала послышалось хлопанье крыльев, все резко оглянулись на клетку с голубями. Те почему-то проснулись и беспокойно заурчали, моргая круглыми, как бусины глазами.

Теонард быстро приблизился и резким движением накрыл клетку широкой тканью. Птицы моментально затихли.

Высокородная даже приподняла бровь:

– Голуби? – удивилась она.

Теонард обернулся, лицо потемневшее, будто она не интересуется, а грозит их живьем зажарить на вертеле.

– Да... Гм... Так чем обязан визитом? – спросил арбалетчик

Генэль манерно приподняла подбородок, демонстрируя важность и красоту, уши изящно колыхнулись, она приготовилась к речи, но Каонэль перебила.

– Солнечная жаждет представиться Хранителю от эльфов, – сообщила она.

Глава 5

Все удивленно переглянулись, Теонард непонимающе поднял брови, ворг подался вперед, а Мелисс каркнула так, что все вздрогнули.

Потом Хранители медленно повернулись к Каонэль. Даже эолумская красавица растерянно pokrutila головой, остановив взгляд на серой эльфийке.

Та улыбнулась невинно, будто только что спустилась от самих богов и вообще не представляет, что в мире может быть зло и несправедливость. Ресницы запорхали, как крылья бабочки, а Лотер шумно поскреб затылок и поинтересовался:

– Она не в курсе?

Каонэль пожалла плечами и произнесла чистым, как горный ручей, голосом:

– Я вся растерялась даже, когда она заявила к Дереву. Хотела сообщить, да все как-то некогда было. Это же высокородная, а прерывать их речь, даже если она длинная, как жизнь тахаша, не положено. Вот я и ждала смиренно.

– Ты? Смирренно? – удивился Лотер. – Каонэль, признавайся, тебя Тарнат чем-то угостил? Говорили тебе, не ешь тарнатову еду, окормит, опоит, потом вообще к нему под землю жить уйдешь. Кто будет в твоём Дереве подметать? На меня не смотри, у меня лес. Там не подметают.

Лицо солнечной эльфийки из белоснежного стало превращаться в мертвенно-бледное, глаза расширились, она отшатнулась и уставилась на Каонэль, словно та кровожадное чудовище, вылезшее из подземелий.

Обескровленными губами высокородная прошептала:

– Вы ведь не хотите сказать...

Входная дверь в башню снова скрипнула, послышался топот, через секунду в зал влетел мелкинд. Капюшон съехал и закрывает левый глаз, правый выпучен, напоминая жабий, дыхание с шумом вырывается из груди.

Он быстро откинул капюшон и проговорил, задыхаясь:

– Там... Это...

Уперев ладони в колени, коротышка шумно запыхтел, пытаясь восстановить дыхание, Теонард указал на табуретку возле Каонэль.

– Садись. Быстрее отдышисься, – посоветовал он. – Что случилось?

Виллейн не разгибаясь оглянулся на эльфийку, взгляд опустился к грубо сколоченной табуретке. Затем проковылял мимо серой, и с кряхтением забрался на стул.

– Фу... – выдохнул он, вытирая лоб. – Бежал, спотыкался, чуть плащ не порвал. А для мага, между прочим, плащ очень важный элемент одежды. Так что запомните, какой я полезный и вообще молодец. Потому, что мелкинд. А мелкинды, как известно, вообще самая мудрая раса в мире.

Теонард кивнул.

– Угу, – согласился он. – А ворги самые великие танцоры. Не знал? Так он сейчас тебе спляшет. Лотер, спляшешь?

– Сам пляши, – рыкнул полужверь. – Я тебе что, птеринг какой? Это они все прыгают и орут ку-каре-ку.

– Вот видишь, – сказал Теонард Виллейну, – не пляшет. А ты говоришь. Давай, рассказывай, чего торопился. У меня тут сегодня не башня, а какой-то зал советов. Мне бы всех побыстрее вас всех вытолкать и заняться своими делами. У меня они, кстати, тоже есть.

Мелкинд покосился на накрытую покрывалом клетку.

– Знаем мы про твои дела, – проговорил он ехидно. – Видел, как амазонка в башню шастает. Но сейчас будет не до них. Помнишь, разрешил сферу поставить? Я и поставил, ста-

рался, мучился, потел, но поставил. А как поставил, сел наблюдать, что тут, у нас в округе. Теперь внимание.

Виллейн выпрямился на табуретке, будто на королевском приеме у властелина мира, и не важно, что ноги не достают до пола.

Теонард подался вперед.

– Ну-ну?

– Что ну-ну? – важно произнес Виллейн. – Там за Поломанной рощей телега или что-то такое.

Ворг разочарованно промычал, пальцы снова опустились в карман, потом в воздух взлетела маленькая косточка, которую поймал ртом и проглотил не жуя.

– Я-то думал... – проговорил он, облизываясь. – У нас каждый день по десятку телег прибывает. Главе что, из-за каждой на ночь глядя подрываться и бежать смотреть? У нас постовые, охрана, амазонки, в конце концов.

Виллейн одарил его царственным взглядом.

– Это не просто телега, – сообщил он.

– Неужто из золота? То-то я думаю, чего мелкинд самолично потащился в Поломанную рощу.

– Ничего не тащился, – обиделся Виллейн. – Я в магическую сферу увидел. Сильно приблизить не получилось, в амулетах магии все еще мало, но издали кое-что разглядел. Едет неспешно, лошадь странная, худая, как ихтионка. Глаза мутные. На козлах извозчик в мантии и широкополой шляпе. Лица не видно, только волосы белые по плечам. Разбираться не стал. Последил, последил, и сюда побежал. Тут же Глава, ему и разбираться с непонятными телегами.

Лицо Теонарда стало задумчивым. После того, как на его плечи опустилась тяжесть ответственности за Цитадель, он осунулся и похудел, а на вопросы отвечает задумчиво и сосредоточенно.

– Странная телега, говоришь? – спросил он.

– Да куда странней, – проговорил Виллейн, косясь на солнечную эльфийку, которая все это время стоит с круглыми глазами и переводит глупый взгляд с одного Хранителя на другого.

– Угу... – протянул арбалетчик. – Угу... А кто в повозке, значит, не понятно?

Мелкинд сдвинул плечами.

– Да вроде хлам какой-то, в темноте не разглядел. Больше извозчиком занимался, больно непонятный.

Послышался шумный глоток, ворг сожрал очередную косточку и прошел через зал, остановившись у Теонарда. Проговорил тихо:

– Давай разнесем эту телегу? Мало ли что там за гость. У нас их и так хватает, вон, солнечных эльфов привалило, не знаем, куда деваться. Шарахнуть по этой повозке, и делов. В конце концов, это наша территория. А свое надо охранять.

Теонард потер подбородок, брови сдвинулись так сильно, что между ними образовались аж две морщины, глубокие, как трещины на теле тролля.

– Так-то оно так, – проговорил он, все больше хмурясь. – Но Цитадель не просто наша территория. Для многих это долгожданный дом и защита.

Каонэль встрепелась и, заправив серебристый локон за ухо поинтересовалась:

– Да? Даже для солнечных эльфов?

Теонард глянул на нее, в глазах удивление, будто только заметил, затем перевел взгляд на высокородную. Та смотрит свысока, хотя кончики ушей подрагивают, а в голубых, как горное озеро, глазах возмущение и брезгливость.

Теонард вздохнул.

– Вы еще тут... – протянул он, уставившись в пол, будто там написан ответ на все вопросы. – В общем эээ... Что эолумский отряд отправили подальше, это удачно. А высокородной разрешил исследовать твое Дерево.

– Очень хорошо, – фыркнула серая. – Может стоило сначала меня спросить, а потом разрешать, кто будет шататься по моей резиденции?

Теонард кивнул и продолжил:

– Стоило. Только времени не было. А ты сама проследишь. Если будет возмущаться, отправь на кухню посуду мыть. У тебя же есть кухня? Виллейн, портал работает?

– Работает, – произнес мелкинд нехотя. – Но только пока недоделан. По нему можно только в одну сторону, один раз и пока неизвестно – куда.

– Плохо, – сказал Теонард. – Сейчас бы он пригодился.

Виллейн спрыгнул с табурета и упер кулаки в бока.

– Я, между прочим, три дня возился с этим порталом, – произнес он. – Мешок малахитового порошка извел, а у меня магии еще не накопилось. Старался, делал. И где спасибо? Что за люди? Никакой благодарности.

Человек потер лоб, что-то бормоча под нос, проговорил, будто не слышал мага:

– Значит, портал используем, когда будет действительно нужно. Найдите Гнура. Надо отправить отряд гоблинов. Пускай проверят, что там за путник.

Послышалось недовольное сопение Каонэль, шагнув вперед, она сложила руки под грудью. Ворг покосился на нее, потом на высокородную, которая делает вид, что вообще никого здесь не замечает, затем снова на Каонэль.

Серая спросила:

– Значит, она остается?

– Да-да, – ответил Теонард, махая рукой, мол, идете, делите Дерево. – На эту ночь. У тебя такая резиденция, что при желании целую эльфийскую деревню разместить можно. Одну высокородную как-нибудь пристройшь.

– Да помогут нам всем забытые боги, – проговорила Каонэль и резко развернулась.

Вскинув подбородок, быстро скрылась в темноте коридора.

Когда Каонэль покинула башню, солнечная едва заметно склонила голову. Высокая прическа качнулась, и белокурый локон упал на плечо. Она смахнула его с такой грацией и достоинством, что ворг невольно засмотрелся, а Теонард наоборот – отвернулся и делает вид, что разглядывает окно-бойницу.

– Премного благодарна, – проговорила Генэль чистым, высоким голосом. – Сожалею, что вам приходится быть свидетелями разногласий, которые вас не касаются. Но могу заверить, с моим появлением прибыл и порядок.

С этими словами она развернулась, декольте дразняще колыхнулось, норовя покинуть глубокий вырез. Лотер шумно выдохнул, а солнечная, выпрямив спину, вышла следом за Каонэль.

– Что, интересно, имела ввиду, – проговорил ворг задумчиво, – когда сказала о разногласиях и порядке?

– Не знаю, – ответил Теонард. – Но пока они здесь, покоя не будет.

Виллейн, окончательно пришел в себя после бега, к которому не слишком привык. Спрыгнув с табуретка, он поправил плащ и сказал, шагая к выходу:

– Моя миссия на этом кончилась. Про телегу сказал, сфера работает, портал стоит. А за Гнуром идите сами, я с ним не очень.

Когда мелкинд ушел, Теонард проговорил устало:

– Портал стоит... Но сказал, что почти без толку. Только место занимает.

– Это пока без толку, – поправил Лотер. – Тем более, в его башне стоит. Ладно, ты думствуй, как и положено Главе, только не сильно, а то опять круги под глазами появляются. Я пока к Гнуру сбегаяю.

После того, как среди ночи отряд гоблинов вернулся с телегой из Поломанной рощи, пришлось звать Хранителей.

Вышли не все, до Тарната не докричались, на насесте Керкегора что-то шуршало, но он, видимо сделал вид, что птеринги ночью спят и никакие собрания не заставят нарушить это правило.

Эвриала с Аэлло остались в Дереве, сославшись на то, что в таких вопросах бесполезны, зато Каонэль прибежала едва не первая. Встала рядом со Страгом и заглядывает в глаза тощей, как вяленая рыба, лошади.

У той радужки мутные, ноздри бледные, да и сама цвета утреннего тумана. Бока провалены, будто не ела недели две, ребра выпирают, а дыхание такое слабое, что кажется и вовсе не дышит.

– Страшная какая, – проговорил Страг заглядывая то так, то эдак.

– И худая, – подтвердил Лотер. – Такую даже я есть бы не стал. Ты посмотри, одни кости. Одно дело мертвячи, они полезные. Но это? Что за хозяин такой затравил животину? На рею его. Эй, ответствуй, кто такой?

Кучер на козлах, как и предупреждал мелкинд, укутан с головы до ног в темную мантию, на голове шляпа с широкими полями. Извозчика пошатывает от вечернего бриза, лицо скрыто, но даже так понятно, что усталое и изможденное.

Он неспешно повернулся к Лотеру, тот оцетинился.

– Чего глядишь? За что лошадь замучил?

Кучер промолчал, переведя взгляд на эльфийку. Та вздрогнула и отшагнула, но кучер все смотрит тенью из-под шляпы, словно пытается заглянуть в самую душу.

Каонэль нервно дернула ушами, лобик нахмурился, а рука потянулась к лошадиной щеке. Когда пальцы коснулись короткой шерсти, провела до самого лба и проговорила жалобно:

– Жуть какая. Я ему не доверяю. Даже лошадка холодная, как ледышка. Это все от голода, от него звери умирают.

Ворг поднял палец и проговорил значительно:

– Не только звери, но и люди, а еще ворги, гномы и всякие другие. Эльфы, кстати, тоже. Ты, извозчик, чего молчишь? Языка что ли нет?

Кучер остался неподвижным и продолжает глазеть на серую, та снова отшагнула и проговорила:

– Какой он страшный. Давайте его выгоним?

Ворг ухмыляясь покосился на нее, мол, не такая ты и храбрая, но тебе можно, ты женщина. Потом потянул носом, пытаясь определить, чем пахнет от чужака, но через несколько попыток перестал, брови сдвинулись.

Каонэль продолжила:

– Эльфы тоже от голода гибнут. Только в отличии от некоторых, мы можем долго терпеть и не впадать в безумие при первых признаках голода.

– Ну не при первых... – проговорил ворг хмурясь. – Теонард, что делать будем с повозкой и этим извергом? Лошадь совсем плохая.

Глава Совета подошел сразу, как телега оказалась возле башни, и несколько минут ругался, потому что ее следовало оставить на окраине. Но гоблины почему-то решили прика- тить прямо к нему.

Потом глянул на Гнура, который сидит на ступеньках и косится на телегу, щуря левый глаз. В темноте поблескивает острие кинжала, гoblin срезает с яблока пластинки и быстро отправляет в рот.

– Зачем они их сюда приперли? – спросил его Теонард. – Мало мне что ли пришлых?

Гoblin пожал плечами, продолжая жевать.

– Не знаю. Я с ними не ходил. Наверное, поглядели, решили, что тебе самому надо осмотреть. Кучер, вроде, мирный. Молчит, правда, подозрительно.

– Да, но зачем прям к башне?

Гнур проглотил и сказан недовольно:

– Чего возмущаешься? Приказ же выполнен. Между прочим, они не хотели идти, а я уговорил. Так что ты мне спасибо должен.

Теонард вздохнул.

– Кому я только не должен... Эй ты, кто такой?

Наездник молча повернулся к нему, все еще скрывая лицо под шляпой, затем тело качнулось. Лотер едва успел подхватить, прежде, чем тот рухнул на землю.

– Тяжелый, как кабан... – натужно произнес ворг.

– Час от часу не легче, – снова вздохнул Теонард. – Ладно давайте открывать повозку. Только осторожно. А этого в... не знаю. Положите куда-нибудь... В повозку. И везите к мелкинд. Пускай исследует.

Ворг определил чужака поперек повозки, чтоб можно было и к ногам, и к голове подобраться, взгляд устремился в глубину телеги. Когда наклонился и потянул носом, лицо сморщилось, словно перед ним оказались гoblinские сапоги после дороги.

– Ну и вонь. Сюда бы Булука. Он огр, ему вонь, что самые лучшие благовония.

– До него не докричались, – сообщил Гнур. – Видать спит беспробудным огринным сном. А завтра придет и начнет ругаться, мол, чего зудели, спать не давали.

Теонард зажал нос пальцами и заглянул внутрь.

– Завтра он уже будет не нужен, – проговорил он. – Толкай телегу к магу, пусть посмотрит вместе с конем. А тодохлый какой-то.

Справа возникла Каонэль, зажимающая носик изящными пальцами. Глаза сияют, как полуденное солнце, она произнесла гнусаво:

– Коня? В башню? Да он крик поднимет, обвинит в притеснении его великого народа, использовании магии мелкиндов в своих целях и вообще во всех мирских бедах. Кстати, где он?

Хранители завертели головами, будто только что обнаружили отсутствие мага, Гнур поднял ногу и посмотрел под сапогом.

Ворг предположил:

– Наверное, спрятался у себя в резиденции. Вроде как свою часть работы выполнил.

– Быстрый он, – проговорил Теонард задумчиво. – У нас только мне от обязанностей увернуться не получается. В общем везите, а то чужак уже дышит шумно. Вдруг помрет.

Ворг кивнул. Обойдя телегу, взял лошадь под уздцы и потащил в сторону башни мелкинда. Лошадь упрямо застыла и моргает мутными глазами. Лишь, когда подошла Каонэль и прошептала что-то на ухо, кляча тронулась с места и неспешно застучала копытами.

– А если спросит, зачем понадобился? – крикнул ворг через плечо.

– Как зачем? Он же маг. Кто еще вот с этим будет разбираться, – произнес Теонард, указывая на повозку и тощую клячу. – Не нравится мне это все, ох, как не нравится. Если магия какая, пускай изучает.

Эльфийка остановилась, глядя вслед телеге.

– Может, лучше к Брестиде? – предложила она. – У нее конюшня, и с лошадьми на короткой ноге.

Теонард покачал головой.

– Потом. Когда Виллейн скажет свое магское слово, – сказал он, – определим в конюшни. А пока Лотер за ней приглядит. И за чужаком.

Ворг пересек несколько территорий, где располагаются резиденции Хранителей. За замком Страга слышны голоса, народ успел поселиться рядом и даже среди ночи возится по хозяйству. Зато на каменной горке Грагрха тишина, как в подземной пещере. Исполина не видно, то ли ушел по делам, то ли слился со скалами и пребывает в благородной дреме.

С огриного болота доносятся песни лягушек, разноголосый хор перебивает даже сверчков, жабы так стараются, что кажется, именно поют, а не квакают.

Наконец впереди показалась башня мелкинда, украшенная весьма скромно, но вокруг других построек нет, и она выглядит величественно и таинственно.

Ворг приблизился к башне, пару мгновений задирал голову, разглядывая высокое строение, на которое сам бы в жизни не полез, потом потрянул головой и постучал в дверь.

– Эй, Виллейн, открывай! Это я, Лотер!

В ответ лишь тихое подвывание ветра на самом верху и шелест моря со стороны обрыва. Ворг подождал минуту, глядя на месяц, который сегодня особенно хорош – манит перекинуться волком и побегать в ближнем лесу.

Потом снова постучал.

– Маг, где ты там? Я тебе подарок привез, большой и тяжелый. Ты такое любишь. Выходи смотреть.

Когда не открыли и в этот раз, Лотер осторожно нажал на дверь, но вместо того, чтобы скрипнуть и отвориться, она пошла волнами и откинула его на пару шагов.

Ворг перевернулся в воздухе и грохнулся на живот. Тут же вскочив с раздраженным рычанием, подбежал к двери и начал орать:

– Виллейн, етить твою клячу! Вылезай быстро! Твоя дверь дерется! Кто такие двери разрешил ставить? Ладно я, у меня бошка что надо, а если эльфийка придет? Костей не соберем. Вылезай говорю!

Через некоторое время где-то вверху послышалась возня, чуткий звериный слух уловил шаги и бормотание. Они спускались все ниже, наконец, загремел замок и дверь открылась.

На пороге возник мелкинд в плаще, а волосы светлые и короткие настолько, что кажется голова светится.

– Чего орешь, как потерпевший? – спросил он зевая. – Нельзя на пять минут прилечь. Я, между прочим, сделал свою часть работы, самолично предупредил. Так что... Чего надо?

Ворг оскалился.

– Меня твоя дверь шибанула похлеще гномьего кулака!

Брови мелкинда всползли на лоб, на лице отразилось неподдельное удивление.

– Правда? – спросил он. – Даже не знал. Вообще оно логично, башни магов должны охраняться от чужаков. Чтоб всякие не ломились. У нас же там ценности, амулеты, зелья.

– Гадость всякая, – огрызнулся Лотер. – Про чужаков кстати. Вот тебе работа.

Он указал на телегу с лошадьё, которая смотрит на Хранителей безразличным взглядом. Тощие бока раздуваются, но выглядит болезненно, словно дурной воды напилась или ядовитых грибов съела.

В повозке лежит укутанный в мантию незнакомец и тоже тяжело дышит. Лицо скрыто под шляпой.

Виллейн покривился и сложил руки на груди.

– Чего это?

– Да вот, – отозвался ворг. – Твоя находка. Та непонятная телега с загадочным наездником. Теонард сказал, что сперва осмотреть должен ты, и лошадь в том числе. Поскольку лишь маг может разобраться, если какое колдовство замешано.

Мелкинд даже выпрямился, мол, да мы такие, важные и полезные, а меня вообще беречь надо. Ворг продолжил:

– Ну и извозчик этот... Плохо ему видать. Прямо с повозки свалился, еле подхватить успел. В общем, его бы подлатать и допросить. Давай к тебе в башню его пока? И лошадку осмотри. Она, глянь, какая дохлая.

Виллейн поправил края плаща, будто не врачевать собирается, а на собрание высокородных идет, где одежда и манеры – самое главное. Потом спустился со ступеньки и приблизился к телеге.

Взобравшись на козлы, он перелез внутрь и долго разглядывал одежду незнакомца, когда осторожно заглянул под шляпу, тут же отпрянул.

– В жизни такого не встречал.

Он прижал палец к его шее, потом потрогал лоб, понажимал на грудную клетку.

– Не пойму, – сказал мелкинд. – Вроде сердце стучит, но как-то тихо, жара нет, ребра целы. Для человека это хорошо. Но это точно не человек. Так что не знаю.

– И чего дальше?

Виллейн потер подбородок двумя пальцами, затем перелез обратно на козлы и спрыгнул.

– В общем так, – проговорил он, идя к двери. – Тащи его сюда, есть у меня свободная кладовка с длинным столом. На верх не пушу. Не надо мне тут всяких в башне. Ну вот. Попробую привести его в чувства.

– Приводи, – прорычал ворг, – Теонард допросить его хочет.

Потом подскочил к телеге, кряхтя, фыркая вытащил чужака и поволок в башню.

Глава 6

Едва ворг увез телегу с незнакомцем, Хранители стали расходиться. Небо давно покрылось звездами, мелкими, словно мука, месяц поднялся и теперь висит сбоку от Зала Советов.

Не дожидаясь, пока Теонард даст разрешение, Каонэль развернулась и быстрым шагом отправилась к Дереву, где прямо сейчас обустраивается белоухая.

Воздух свежий, с моря тянет солью и водорослями, которые прибило к берегу, и они за день успели разопреть. Зато ее резиденция сияет и благоухает в темноте, как бриллиант в не очень дорогой оправе.

Когда до Дерева оставалось четверть перелета стрелы, ее догнал Гнур.

– Хорошая погода сегодня, – сказал он бодро. – Прямо так и хочется сделать что-нибудь хорошее. Крашар поточить, или кошель у кого утянуть.

Эльфийка на ходу покосилась на него.

– Давай ты где-нибудь подальше с кошельками будешь? – предложила она. – Вон, сходи к Тарнату. Говорят, у него в шахте столько золота, что даже тролль не унесет.

– Правда? – встрепнулся гоблин. – То-то он оттуда не вылезает, стережет, наверное. Боятся, что украдут.

Каонэль заправила локон за ухо и хмыкнула.

– Еще бы. С такими соседями нужно держать ухо востро. Посмотри на мои, видишь какие длинные? Это все из-за гоблинов и всяких таких. Что хотел?

Гоблин пару секунд молчал, будто подбирает правильные слова, взгляд стал задумчивым и уставился в небо. Лишь, когда споткнулся о камень – пришел в себя и проговорил:

– Да вот... Резиденции у меня все еще нет. Вы-то все домой ходите, в кроватях спите. А я по гостям мыкаюсь. К тому же, гоблинов набежало, строят бараки рядом с моей землей. И надо мной посмеиваются. Мол, Хранитель без резиденции.

Эльфийка с сочувствием посмотрела на зеленомордого. Тот ссутулился, то ли устал, то ли специально на жалость давит, лицо печальное, а глаза вообще такие, что серая охнула.

– Согласна. Это никуда не годится. Хотя ты сам долго думал, чего хочешь.

– Думал, – согласился Гнур. – Но уже придумал.

– Не прошло и недели.

Гоблин насупился, обходя пустую бочку, которую бросили гномы, а сами ушли в свежестроенную таверну и горлопанят так, что аж сюда слышно.

– Ну да, – проговорил гоблин. – Долго думал. Но ты пойми, нужно, чтоб все правильно получилось. Я ж не просто для себя стараюсь, а еще для тех, зеленых, которые приехали в Цитадель. Они должны видеть, здесь вершина гоблинского мира, оплот ценностей и идеалов.

Теперь Каонэль смотрела на него с явным изумлением, даже голову наклонила, чтобы разглядеть, правда ли он такой сердобольный, или только прикидывается, чтобы доверие вызвать. Но лицо Гнура скорбно-возвышенное, гребень блестит в свете месяца, словно намазал маслом, а бивни вскинута.

– Ого... – протянула эльфийка. – Не знала, что у вас все так сложно. Так, а от меня ты чего хочешь?

– Хочу, чтоб поговорила с Теонардом и убедила его дать мне еще немного земли. Для вновь пришедших.

Идеальные брови Каонэль сдвинулись, она проговорила:

– Он вряд ли на это пойдет. Тем более, один такое решить не сможет. Придется совет собирать.

– Тебе хорошо, – произнес гоблин. – Ты Дерево себе умудрилась так намечтать, что целую деревню разместить можно. А мы так высоко не строим. Не дело это, приличному гоблину в облаках летать. Нам площадь нужна.

До резиденции эльфийки осталось несколько шагов, Каонэль быстро преодолела расстояние, а зеленомордый остался позади пыхтеть в ожидании. У самого входа серая задержалась и поговорила через плечо:

– На счет территорий не знаю. Но то, что у тебя нет дома – не хорошо. Я напомню Тео-нарду, но с учетом, что ты поддержишь мои решения на собраниях.

Гнур моментально просветлел.

– Благодарствую, желтоглазка, – выдохнул он и, развернувшись, побежал в сторону купола ихтионки.

Каонэль насупилась, чувствуя, что Гнур в чем-то обманул, но все равно не дело, что бездомным ходит.

Она толкнула увитую плющами дверь и вошла. Приятная прохлада и свежесть трав мгновенно окутали и мысленно унесли в далекие леса, где она, наверное, не бывала.

Поднявшись по ступенькам, что не ступеньки даже, а огромные корни, серая остановилась возле своей комнаты. Только занесла ногу, чтобы войти, как дверь позади отворилась и Каонэль учуяла запах терпко-сладких духов.

– Поверить не могу, – проговорила Генэль. – Эльфийка на побегушках у человека. Это возмутительно. Когда я сообщу об этом в Эолум, тебя мигом отстранят от Цитадели и вышлют на Южные болота собирать светляков.

Каонэль опустила ногу и медленно развернулась.

– Лучше бы спасибо сказала, что не выдворила тебя ночевать на пороге, – проговорила она хмуро. – Я все еще помню, как ты для меня постаралась.

Идеальные брови Генэль сдвинулись.

– И сделала бы это снова, – произнесла она. – Эолум – оплот красоты и величия, любой честный эльф должен склонить голову перед решениями Его величества и сделать все, для благополучия города.

Высокородная красавица посмотрела победно, пальцы аккуратно придерживают платье, чтобы случайно не наступить и с позором не свалиться по ступенькам. Подбородок задран так высоко, что не понятно, как видит вокруг, а белоснежные локоны уложены, будто успела привести себя в порядок после дороги.

Серая пару секунд разглядывала белокожую, потом сказала:

– Я не подчиняюсь ни Эолуму, ни его королю.

– Мы спасли тебя, – напомнила высокородная с презрительной ухмылкой.

Каонэль хмыкнула.

– Кто-кто, а ты к моему спасению отношения не имеешь.

Она развернулась и снова занесла ногу, чтобы скрыться в комнате, но высокородная выпалила из-за спины совсем не по-эолумски:

– Обернись немедленно! С тобой говорит солнечная эльфийка!

Уши Каонэль дернулись и поднялись, как боевые пики, в глазах полыхнуло расплавленное золото, она скрипнула зубами, но осталась неподвижной.

Эолумская красавица повторила:

– Ты что, не слышишь? Я приказала обернуться!

На этот раз Каонэль действительно развернулась, но лишь для того, чтобы резко приблизиться.

Эльфийки впились друг в друга взглядами. С откуда-то из открытого окна прилетел порыв, волосы серой вздыбились, локоны слетели со лба, приоткрыв лицо с горящими глазами.

Она вплотную придвинулась к носу Генэль и проговорила сквозь зубы:

– Приказывать будешь в Эолуме.

Лицо высокородной стало еще белее, она сделала шаг назад, но взгляд остался бешеным, в глазах заплясало синее пламя.

Подняв подбородок Генэль сказала с показным разочарованием, от которого могли бы завянуть все цветы в округе:

– Как это могло случиться? Как вышло, что такая как ты, стала Хранителем? Ты ведь не справляешься. Построила дерево вместо дворца с башнями, слушаешь приказы человека. Ты хоть понимаешь глубину позора, в который опустилась?

Каонэль дернула ушами.

– Я никуда не опускалась, Генэль. Просто живу не так, как привыкли в Эолуме. Вы же сами меня отвергли, и ты первая. Ты едва ли не самолично гнала меня поганой метлой. А теперь требуешь подчинения? Да, я серая и...

– Безродная, не высокородная и совершенно не леди, – добавила Генэль.

Дыхание Каонэль участилось, она на секунду замолчала, шевеля лишь губами, потом терпеливо продолжила:

– Именно. Не леди. А эльфийка, которая бежит по лесам вместе с эльфами, машет мечом, который изготовили в Великом Разломе. Но я не прислуживаю человеку. Я пытаюсь удержать мир. И поверь мне на слово, никто, кроме меня с этим не справится.

Эолумская красавица отошла на полшага, словно боится заразиться чем-то, уши раздраженно задергались, а глаза полыхнули синим.

– Как ты можешь сомневаться в силе высокородной? – спросила Генэль. – Я всю жизнь при дворе и знаю, как вести переговоры. А людей мне даже два раза доверяли отбирать для рудников. Я сильнее тебя, серая. И умнее. Справлюсь лучше.

Каонэль тяжело вздохнула, на идеальном, как весеннее утро, лбу появилась крохотная морщинка.

– Все так, – произнесла она. – Но есть несколько причин, по которым я не отдам осколок.

– Потрудись объяснить.

Серая кивнула.

– Во-первых, я не сомневаюсь в силе Эолума. Но ты не знаешь Теонарда, Лотера, не знаешь всех остальных. Некоторые настолько... Необычны, что твоя тонкая натура может не вынести. Во-вторых, точнее, в главных, здесь не любят солнечных эльфов. Очень не любят.

Генэль поморщилась и спросила:

– Это все?

Каонэль покачала головой.

– Нет. Есть еще, но те причины называть не обязана. Это личное.

– Но ты же украла у меня личное.

– Я не крада.

– Ну конечно.

Повисло тяжелое молчание, в котором от напряжения разве что воздух не искрится, серая на высокородную не смотрит, за то та прожигает взглядом.

Со стороны окна прилетел очередной порыв, появился запах рыбы и соли. Каонэль тряхнула серебристой копной, стараясь выгнать воспоминания, которые полезли в голову.

Неожиданно губы Генэль быстро зашевелились, она отвела руку в сторону, и в ладони стал появляться огненный шарик. Серая застыла, удивленно наклонив голову, уши поднялись, глаза сузились, она быстро посмотрела по сторонам, но Генэль предупредительно подняла шарик.

– Только попробуй, – сказал высокородная гневно. – Ты же помнишь, все солнечные эльфы обладают магией огня.

– Как забыть, – бросила Каонэль. – Но ты же не собираешься швыряться огнем в резиденции из дерева?

Высокородная пожала плечами.

– А почему нет? Мне-то огонь безвреден.

Даже на серой коже стало заметно, как побледнела Каонэль, ладонь опустила к антрацитовою рукояти.

– Здесь живут еще двое Хранителей, – произнесла она, – не считая птиц и зверей в ветках. Если с ними что-то случится, остальные будут очень недовольны. Да даже если только со мной. Хранители заметят мою пропажу, станут искать. Без меня Талисман не полный.

Генэль мило улыбнулась, но с такой же улыбкой метнет в нее шар.

– Не без тебя, – поправила она, – а без осколка. Отдай мне кристалл и можешь идти. Желательно подальше. Остальным скажу, что ты передала осколок мне, как более подходящему представителю, а сама ушла. Король будет доволен.

Наверху послышалось хлопанье крыльев, затем кто-то пробежался по комнате, шум некоторое время побродил от стены до стены, потом направился к коридору.

За это время серая успела достать меч и направила острие в грудь высокородной. Та изумленно уставилась на блестящий кончик.

– Ты в своем уме? Нельзя убивать эльфов, – сказала она.

– А меня, значит, можно? – поинтересовалась Каонэль.

Генэль подняла огненный шар выше, тот уже размером с небольшую тыкву, и проговорила:

– Я не собираюсь тебя убивать... без особой причины. Но если она будет...

Высокородная покрутила пальцами, огненный шаг завертелся в ладони, создавая вокруг себя горящий вихрь, Каонэль отшагнула и отвела меч для удара.

В этот момент на ступеньках послышались шаги, обе эльфийки чуть оттопырили уши, пытаясь определить, кто спускается. Потом на лестнице появилась горгона с горшком какого-то варева.

Увидев немую сцену, она на секунду застыла с вытаращенными глазами, тело быстро покрылось блестящей, как сталь чешуей, горшок выпал из рук потому, что на тех появились огромные кривые когти.

– Девочки, – выдохнула она. – Вы что?

Генэль покосилась на неожиданно опасную горгону с хищными когтями и выдавила сквозь зубки:

– Она у меня сына казначея увела.

– Никого я не уводила, – резко ответила Каонэль. – Он сам ушел. А потом... снова ушел. Его ушли... Радуйся, он же в Эолуме.

Белоснежное лицо Генэль потемнело.

– В Эолуме. Да только ни на кого не смотрит.

Горгона перепрыгнула лужу, натекающую из горшка, через секунду оказалась между эльфийками, прижав обеих могучими крыльями. Меч серой выпал, а огненный шар высокородной потух от мощного взмаха. Они закопошились, пытаясь выбраться, но Эвриала только сильнее растопырила крылья.

Когда у тех кончились силы, и они затихли, не в силах шелохнуться, горгона проговорила ласковым, почти материнским голосом:

– Ну вы что, в самом деле. Вы же эльфы и должны держаться вместе. А тем более, женщины. Нам вообще всем нужно друг за друга, а то придут всякие тарнаты и лотеры и все, конец спокойной жизни. Нельзя из-за мужчин ссориться. Поняли?

Эльфийки, как по команде, по команде отвернулись друг от друга, но Эвриала прижала крыльями так, что серая простонала:

– Дышать... нечем.

– Не успокойтесь – не выпущу.

Каонэль снова проговорила, еле выдыхая:

– Это... не ко... мне.

Эвриала повернула голову к солнечной. Та из сияюще-белой стала слегка синеватой, глаза выпучились и напоминают рыбы, только голубые. Уши дернулись, она попыталась пробормотать заклинание, но горгона приподняла острое, как лезвие, перо и уперла ей у шею.

Та застыла и остановила бешеный взгляд на горгоне.

– Ты... хоть знаешь, кто я? – просипела высокородная.

– Мне без разницы, – ответила Эвриала. – Я не позволю обижать своих.

Еще несколько секунд горгона держала эльфийек прижатыми к стенам, пока эолумская красавица не начала совсем задыхаться. Но даже тогда крылья не опустились, хотя давление на серую чуть ослабилось.

Когда кончики ушей высокородной посинели, Каонэль не выдержала.

– Отпусти ее.

Горгона тут же сложила крылья и вернулась в привычный облик мирной, покладистой девушки со стянутыми в пучок волосами. Эльфийки грохнулись на пол, хватая воздух и пуча глаза.

Через секунду серая, не поднимаясь, толкнула дверь и вкатилась в комнату, а Эвриала странно подмигнула ей и с довольным лицом направилась к лестнице.

Глава 7

Лотер втопил в дверь башни тело незнакомца, которое на удивление тяжелое и неповоротливое, хотя выглядит щупло. В коридоре пахнет старой кожей, пергаментом и известью, словно маг специально набросал у входа, чтобы перебить другие ароматы. По стенам факелы, в дальнем углу – винтовая лестница со стороны которой доносятся какие-то звуки.

Мелкинд бежит вокруг, приговаривая под руку, чтоб то не сбил, это не задел. Ворг рычит и ругается, пытаясь обходить коротышку, но тот чудесным образом появляется на пути и снова загромождавает дорогу.

От веса незнакомца Лотер вспотел, волосы сваялась сосульками, а портки со стороны спины потемнели.

В конце концов, когда внес в кладовку и уложил на стол, полузверь сел на трехногий табурет.

– Фу. Не думал, что в таком тщедушном теле, столько веса, – проговорил он, отирая лоб. – Как огра тащил.

Кладовка оказалась тесной, с низким потолком и белыми стенами, словно это вообще подвал. Только в отличие от него, здесь сухо и пахнет то ли соломой, то ли сильно пересохшей одеждой. В углах факелы на коротких ножках, по полу разбросаны какие-то мешки и пробки.

Ворг повертел головой, под потолком на стенах обнаружил полки с большими и маленькими склянками, какие-то травы в виде веников, и кучу предметов, которые раньше не видел. В углу горка лопаток и крошечных мотыг.

– Это что? – спросил ворг, указывая на них.

Мелкинд пожал плечами.

– Понятия не имею. Я этого не заказывал. Наверное, женщины опять влезли со своими цветами и кустами. Хотят всем зелень насадить.

– А чего тебе зелень не угодила? – удивился полузверь. – У меня вон, целый лес. Хорошо, выходишь утром, и тебе птички поют. Ты злой, а они споют, сразу настроение поднимается.

Виллейн обошел стол с незнакомцем, который все еще без сознания, подвинул ящик к стене и забрался. Потом пошарил по полке и достал склянку с прозрачной жидкостью, плотно закупоренную деревяшкой.

– Ничего я против зелени не имею, – сказал он прыгивая. – Просто не люблю, когда в мои дела чужие носы суются. Кто их спрашивал? Может, мне эти лопатки эстетический баланс нарушают.

– В углу кладовки?

Мелкинд кивнул и подошел к столу.

– Да. Именно в кладовке.

Он осторожно стянул шляпу с лица незнакомца и перед Хранителями предстало существо с бледной, до синевы, кожей. Волосы седые, до плеч. Лоб гладкий, аж блестит от света факелов, бровей нет, только надбровные дуги, губы тонкие, а вместо носа просто две небольшие дырочки. Чужак лежит с закрытыми глазами и глубоко дышит.

Ворг аж привстал с табуретки.

– Это кто такое? – спросил он почему-то шепотом.

Мелкинд сдвинул плечами и ответил таким же шепотом:

– А я почему знаю?

– Маг?

– Нет, – проговорил Виллейн. – Я бы почувствовал. Но такое первый раз вижу. Может, у тахаша спросить? Он долго живет, мало ли, кого повидал. Я, конечно, мудрый маг, но пока еще в расцвете лет. В смысле молодой.

– Тахаша не дозвались, – проговорил Лотер уже нормальным голосом. – Кричали, кричали, по всем участку ходили, да так и не нашли. Видать пошел куда-то. Вместе с банши, ее тоже нет на месте.

Виллейн покачал головой и сказал:

– Отличные из нас Хранители. Одни дрыхнут, не добудишься, другие где-то шастают без предупреждения.

– Кто бы говорил, – произнес ворг. – Я к тебе вечность достучаться не мог.

Мелкинд проигнорировал его, осторожно откупорил склянку, стараясь держать подальше от себя, поднес к лицу незнакомца. Тот остался неподвижен, маг озадаченно хмыкнул и понюхал горлышко. Глаза резко вытаращились, он одернул руку и стал шумно дышать, словно хватанул огня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.